

100 лет...

Реальные истории

1915
2015

1915
2015

100 лет... Реальные истории

Редактор - Каринэ Оганян
Перевод - Нунэ Бекарян, Каринэ Оганян

Ереван 2020

Предисловие к русскому изданию книги «100 лет... Реальные истории»

Проект «100 лет... Реальные истории» был приурочен к 100-летию Геноцида армян. Сегодня, по прошествии пяти лет с того момента, когда реальные истории реальных людей были опубликованы в Армении и в Турции, были также изданы одноименные книги на армянском, турецком и английском языках, организаторы проекта решили увековечить эти истории и на русском языке, сделав их доступными в том числе для русскоязычного читателя.

На русском языке можно найти много архивных материалов, документов и свидетельств о Геноциде армян. Но историй, рассказанных потомками людей, кто видел Геноцид своими глазами, кто сумел выжить и пережить страшное - не очень много. Также немного историй людей, которые сквозь года пронесли благодарность тем, кто помог им выжить и спастись. Отрицание Геноцида со стороны Турции, многолетняя вражда и отсутствие отношений между Арменией и Турцией не стали причиной забвения поступков тех Людей, кто, невзирая на риск, помогал армянам выживать.

В этом сборнике - память и благодарность. Из года в год люди передавали истории своего чудесного спасения. Возможно, и сегодня непопулярно рассказывать о том, что многим армянам спастись от турок помогали тоже турки. Но это - история. И память о ней - дань тем, благодаря кому сегодня многие семейные ветви дали новые всходы. И еще: если мы хотим, чтобы помнили про зло, совершенное во время Геноцида армян, мы должны помнить и о тех, кто вопреки всему имел смелость совершать и добро. Даже если добро и зло в данном случае неравнозначны и несоразмерны.

Ценность этого сборника - реалистичность и документалистика. Рассказанные обычными людьми, эти истории стали свидетельством происшедшего 105 лет назад. А свидетельства имеют свою особую судьбу и свой путь. Они - антипод забвения. Многих героев историй давно уже нет в живых. Но они живы, потому что живет Память...

**Каринэ Оганян,
редактор русского издания книги
«100 лет... Реальные истории»**

Первое издание книги «100 лет... Реальные истории» - результат проекта, профинансированного посольством Великобритании в Ереване в рамках Conflict Pool в 2014 году. Материалы, мнения и выводы, опубликованные в книге, не обязательно отражают позицию правительства Соединенного Королевства.

Книга была издана на трех языках – армянском, турецком, английском, и была распространена в 2014-2015 гг. бесплатно. Интерес к книге и ее актуальность стали причиной того, чтобы авторы издания приняли решение перевести книгу на русский язык, сделать ее доступной в онлайн-версии, а также опубликовать ее в дальнейшем и выставить на продажу – для более широкого распространения материала.

Авторы проекта выражают благодарность директору организации «Наследие Арарата» («Ararat Heritage») Тони С. Кахве (Tony S. Kahvé) – за действие в переводе книги «100 лет... Реальные истории» на русский язык и создании электронной версии книги на русском языке.

© Информационно-аналитическое агентство
«Армедиа», 2020

100 лет... Реальные истории

В числе тех, кто пережил Геноцид армян, есть люди, которые спаслись, благодаря вмешательству соседа-турка, друга-турка или просто свидетеля тех событий - обычного представителя турецкой нации. В этой книге 47 таких историй. Это - реальные истории, которые представляют рассказы людей без какого-либо редактирования контента. Эти истории были воспроизведены потомками, родственниками и близкими тех, кто пережил Геноцид армян - на основе свидетельств очевидцев. Некоторые истории были восстановлены на основе записей или письменных воспоминаний, сделанных при жизни очевидцев.

Рассказы были собраны силами НПО «Европейская интеграция» (www.europeanintegration.am) и информационно-аналитического агентства «Армедиа» (www.armedia.am) в рамках проекта «Турок, который меня спас», реализованного при содействии министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании. Партнер проекта в Турции - «Tursu.tv production».

Цель проекта - хоть какое-то содействие развитию диалога между армянским и турецким народами и установление взаимодоверия между ними.

Рассказы на армянском языке были опубликованы на электронном сайте ИАА «Армедиа», на турецком языке - в Taraf, Zaman, Radikal, Demokrat haber, Evrensel, Bianet, Yurt, T24.

Книга была издана на армянском, турецком и английском языках, и в рамках проекта была распространена бесплатно.

Предназначена для широкого круга читателей.

Материалы, мнения и выводы, опубликованные в книге, отражают точку зрения авторов рассказов и участников событий, и не отражают позицию правительства Соединенного Королевства.

Предисловия к первому изданию книги (2015 год)

100 лет... Можно долго думать над тем, это много или мало - 100 лет. Но есть то, против чего время бессильно. Я думаю, тема этого проекта и этой книги - именно из такого ряда.

В этих историях, в этой книге - рассказ о моей семье, истории таких же семей как моя. Вообще, идея проекта по сбору таких историй, наверно, в первую очередь объясняется тем состоянием, в котором живешь всю жизнь - до совершеннолетия, а затем пытаешься эту тему довести до какой-нибудь логической точки.

Мои предки со стороны отца - его мать и отец - являются одними из героев этих историй. Их спасли турки. Спасли турки - от турок. Если бы не они, не было бы моих предков, не было бы моего отца, меня. Этую же фразу или те же слова, возможно, могут произнести многие из героев этих рассказов. Поэтому, несмотря ни на что, эта книга и эти истории - дань уважения тем туркам, тем личностям, которые спасали. Большинства из них сейчас нет в живых, но бесспорно: их могилам можно поклониться, потому что я, такие как я, мы обязаны им своей жизнью.

Сегодня много говорится о справедливой памяти, но есть опасение, что оба эти слова извращены и подчинены определенным интересам, спекуляциям. Однако и справедливость, и память - это понятия, которые создают и сохраняют ценности. И с ними следует обращаться осторожно. А что такое справедливая память?

Начиная с тех времен, когда предки турок появились в этом регионе, у нас накопился достаточно богатый опыт совместного проживания, взаимодействия, общения друг с другом. Разве не было в нашей истории светлых моментов, которые можно было бы назвать дружбой? Бессспорно, было. Не было ли моментов до 1915 года или в период задолго до этого, когда существовали проблемы? Конечно, было. И весь этот период, включая и последнее 100-летие, необходимо переоценить, отдавая дань справедливости, не отрицая и не забывая ничего.

Второе - Геноцид... Он был совершен с неописуемой жестокостью и продушен до мельчайших деталей. Это была попытка, желание полностью стереть с лица родной земли целую нацию, лишить ее родины. Слава Богу, не удалось. Не

удалось и благодаря людям, в том числе туркам, которые своим несогласием и своими действиями выступили против этого жестокого плана. О какой справедливой памяти можно говорить - без признания факта Геноцида и факта лишения родины?! Частью справедливой памяти, конечно же, является и то, что были народы, государства, семьи, отдельные люди, в том числе турки, которые, будучи Людьми с большой буквы, спасали жизни. И, естественно, все это нельзя забыть.

Я отмечал уже, что если бы не было тех людей, не было бы и меня. И - если бы не организаторы Геноцида, у моего отца, его родителей была бы семья, род: они бы выжили, созидали, творили, а не оставили бы после себя единственного выжившего представителя рода. Может ли так называемая справедливая память обойти хоть что-то из этого? Конечно, нет. В этом случае это не будет справедливо, в этом случае это не будет памятью.

Несколько слов скажем и о наших днях. Сейчас много говорится о необходимости достижения доверия, о том, что наши два народа должны иметь возможность протянуть руку друг другу. Конечно, я согласен с этим. Поэтому, помня все хорошее, не отрицая ни одного элемента этой памяти, следует попытаться сделать шаг навстречу друг другу. Эти истории, эта книга, эта идея - они направлены на все вышесказанное. Их предназначение - показать нашу способность не забывать. И, конечно, мы ожидаем, что и другие будут помнить. Мы хотели бы видеть сегодня потомков тех турок, которые спасали армян. Их наследники могут гордо и громко заявить: «Мы горды тем, что мы турки, потому что наши деды спасали жизни». Мы хотели бы видеть гуманность, ценности, а не ситуацию, когда люди, говоря на эту тему, рисуют, чувствуют страх за себя или членов своей семьи, за своих детей. Это - один из первых шагов, который может привести к доверию.

У нашего настоящего тоже есть проблемы. Мы хотим их преодолеть вместе, помня обо всем, но сегодня в нашем настоящем не утихают проявления вражды. Человеческая логика, эмоции, сознание должны подсказывать, что для возможности переоценки, добрососедства и хороших отношений в будущем для двух народов важно, чтобы армяно-турецкая граница была максимально открытой. Но вражда не закончилась, граница закрыта и по сей день. Закрыта - со стороны Турции.

Я хотел бы поблагодарить всех людей, все организации, благодаря которым эта идея, эта книга, этот проект стали реальностью. В этом списке, конечно, министерство иностранных дел и по делам Содружества Великобритании. Это - дань уважения или попытка отдать дань памяти ни в чем не повинным жертвам Геноцида, всем тем, кто пришел им на помощь, и, конечно же, туркам, которые, рискуя своими жизнями и жизнями членов своих семей, не смогли остаться в

стороне и протянули армянам руку помощи. Это - проект надежды на то, что отрицание ни в коем случае не сможет победить справедливость. Надежды на то, что хотя бы через 100 лет после Геноцида мы попытаемся вместе посмотреть в будущее - не забыв ничего и пытаясь доверять друг другу.

*Карен Бекарян,
председатель неправительственной организации
«Европейская интеграция»*

◆◆◆

Я был студентом второго курса в университете, когда осознал, что историю пишут победители. Образование, которое я стал получать с семи лет, учило, какими героями были мои предки, достойными, несломленными, хотя становились жертвами многих несправедливостей. Когда стал чуть больше понимать в жизни, эти истории показались мне преувеличением, но в те годы было почти невозможно добраться до какого-то честно написанного «государственного» источника.

В большой мозаике, называемой историей, отфильтрованные государственные архивы правдивы настолько, насколько правдивы исковерканные воспоминания отдельных людей. А главная причина искажения - неописуемый страх столкнуться лицом к лицу с историей.

Идея принятия собственной истории была такой задавленной, что, глядя на события в прошлом, я понимал, что мы находимся за стеклом искаженных, грязных, покрытых пятнами предубеждений. Чтобы суметь посмотреть в лицо истории, нужно сначала избавиться от предрассудков и совместными усилиями начать очищать это стекло. Этот проект, в который я имел честь внести пусты и небольшой, но вклад, выполняет именно эту функцию.

Публикуя некоторые реальные истории проекта «Турок, который меня спас», я столкнулся с необычной ситуацией. Прочитав эти истории, один из читателей обвинил нас в изменении нашего подхода к вопросу Геноцида армян.

Эта критика стала причиной того, чтобы вновь поставить на чашу весов те истории, которые мы опубликовали, и подумать о нашем интервью с Арисом Налджи, ответственным за проект в Турции.

Наш читатель попытался вкратце объяснить: с помощью этих историй мы «промываем мозги» турок, применяя механизм отрицания или пытаясь смягчить зверства, совершенные против армян. Он выразился так, потому что мы первыми оценили произошедшие в 1915 году события как Геноцид армян. И, если я не ошибаюсь, этот читатель был турок.

Передо мной был читатель, который прошел через стадию отрицания и посмотрел в лицо истории. Это было весьма отрадно.

Но неужели в таком подходе не было какой-либо ошибки или проблемы?

Возможно, он преодолел отрицание, но разве теперь его не занесло совершенно в другую сторону? Может, он дошел до точки зрения, ставшей мишенью других предубеждений или критики? Или я, который вырос на рассказах о моих героических предках, вновь стал пленником старых предрассудков и, не осознавая этого, стал вести пропаганду того, что «есть и хорошие турки»?

Я вновь задумался обо всем этом. Думаю, смотреть в лицо истории - это правильный механизм на то время, пока мы продолжаем идти по стопам реальности. Каждое из этих воспоминаний - устная история,讲述的是一种可能的机制，即通过直面历史来理解它。然而，随着时间的推移，这种机制是否依然有效或适当呢？

После такой реакции вышеупомянутого читателя слова Ариса Налджи, сказанные им в интервью нашему сайту, стали еще более впечатляющими. Арис сказал: «Если бы этот проект не был бы реализован со стороны армянской организации, никто, в том числе и я, не поверил бы этому. Большинство будет считать, что это - очередная пропаганда Турции. Но истории - без осуждения турок - показывают, как люди увидели и пережили геноцид».

В конце концов, я пришел к следующему выводу: отрадно, что в последние годы были сделаны позитивные шаги в вопросе принятия собственной истории, но мы не должны забывать, что нам предстоит пройти еще долгий путь.

*Халук Калафат,
главный редактор информационного агентства Bianet*

◆◆◆

В этой книге представлены истории выживших после Геноцида армян людей, рассказанные их родственниками.

Особенностью этих историй является тот факт, что их герой/герои - прямо или косвенно - спаслись от Геноцида армян, благодаря помощи турок.

Эта книга - в преддверии 100-летия Геноцида армян - способствует тому, чтобы посмотреть на события 1915 года с иной точки зрения, чем та, которая существует сегодня.

Семьи, спасенные турками, с одной стороны рассказывают о своем пережитом, с другой стороны - говорят о том, что не имеют никаких проблем с «турецкой» идентичностью.

Эти истории жизней могут стать примером того, что существующие между турками и армянами проблемы носят не только этнический характер, и что армяне способны в этом отношении разрушить стереотипы. Это должно заставить нас задуматься и задаться вопросом: а возможно ли то же самое сделать в Турции, поскольку никто не собирал истории турецких семей, которые спасали армян от резни в Турции?

Те, кто считает, что сбор этих историй - угроза идентичности, по-прежнему составляют большинство в сегодняшней Турции. Потому что большая часть спасенных детей была ассимилирована и потеряна в турецкой, курдской или принадлежащей к другой этнической группе семье.

Каждая из них - это реальная история, раскрывающая множество тем для изучения.

Многих выживших после Геноцида сегодня нет в живых, но их воспоминания живы в рассказах их внуков...

Этот сборник в то же время поднимает вопрос - а что чувствуют турки, спасшие армянские семьи? Надеемся, что в ближайшее время в Турции появится неправительственная организация, которая начнет работать над ответом на этот вопрос и поделится результатами работы с общественностью.

*Арис Налджи,
редактор IMC TV, колумнист журнала T24*

◆◆◆

Мы гуляли по улицам Диярбекира с одним моим другом, за упокой души которого я сейчас молюсь. Поскольку я тогда была впервые там, он хотел мне все показать и рассказать. Я тоже так или иначе желала все увидеть и узнать. Пожилая женщина, сидящая перед его домом, сказала что-то по-курдски. Мой друг ответил ей, и пожилая женщина встала и подошла ко мне. Сначала взяла мою руку в свои ладони, крепко пожала. Она говорила по-курдски, я ничего не понимала, но она крепко сжимала мои руки, а на ее лице была такая боль, в глазах - такая печаль и слезы, что в моей голове все перевернулось. Я с нетерпением ждала, пока мой друг переведет ее слова. На нем лица не было. Потом эта женщина обняла меня. Поцеловала мои щеки, глаза, снова обняла. Никак не могла оторваться. Затем отвела к себе домой. Мы вошли, она расстелила лучшие тюфяки и усадила меня. Села рядом, долго смотрела на меня, ее глаза наполнились слезами. Она отстранилась и попыталась тихо и незаметно стереть слезы. После того, как эта взрослая женщина и ее муж успокоились, а она - после долгих уговоров угостить нас чаем - ушла на кухню, друг стал рассказывать о том, что произошло.

Пожилой тетушке показалось, что я очень похожа на ее убитую внучку. Мои глаза, мое лицо, руки были очень похожи на внучкины. Внучка, которой едва исполнилось 19 лет, пошла в ряды курдских партизан (герилы) и была убита. Женщина сказала: «Мы бы приняли убийство, если бы они не сделали это». Тело внучки привязали к задней части автомобиля и тащили по Диярбекиру столько, пока труп не разорвало на части. Ее не смогли даже похоронить.

Она была самой любимой внучкой бабушки, единственным ребенком погибшего в молодости в автомобильной аварии сына и его жены. Ее растила и воспитала бабушка. И, как только она увидела меня, ей показалось, будто я ее внучка, потому она так крепко обняла меня. Подробности этой истории, дополненные ее мужем, были еще более трагичными. Он сказал: «Ну, допустим, вы убили и затащили ее труп». Затем он рассказал самое страшное: «Они так ее тащили, что все части тела моей внучки оголились, ее ноги и грудь показали всему Диярбекиру. Они взяли душу моей внучки, но зачем им было трогать ее честь»? «Дай Бог избежать тебе такой судьбы, но ты очень похожа на нее и очень красива», - сказали они. Вот почему они плакали и впервые при чужих людях дали свободу своим слезам. Я окаменела. Все, что бы я ни сказала, не могло утешить их. Тетя принесла наш чай, но я не могла выпить даже глоток. Она поднесла чай к моим губам и сказала: «Пей, пей, и мне будет казаться, что это моя Гюлай пьет, что спустя десять лет я хоть каплей напоила мою Гюлай. Я даже последний глоток воды ей не поднесла...»

Это был 1999 год - мой второй год в журналистике. Я тогда впервые поехала в Диярбекир по работе. Родившись в Эдирне, я получила «национальное» образование в Текирде, в «стерильной» среде самого высшего уровня, и мое знакомство с курдами и курдским вопросом началось вместе с приездом в Стамбульский университет. Я на 100% была уверена, что знаю все о курдах и этой проблеме, и что это всего лишь вопрос права. Но в тот день все изменилось. Все мои теоретические мысли испарились, и из истории бабушки и дедушки Гюлай я поняла, что речь - о человеке. В этом - вся суть проблемы. Душу мою пронзила рана. Эта история повлияла на меня больше, чем любая пропаганда любой структуры или любая речь, «прививающая знание». Потому что душа прикоснулась к душе. Души бабушки и дедушки Гюлай прильнули к моей душе и объединились с ней: отныне я на все смотрела с этой точки зрения. Все, что я собиралась сказать или сделать, я мерила тем, чтобы не причинить боль Гюлай. Потому что если я причиню боль ее душе, мне тоже будет больно.

Реальная история исходит от реального человека. От такого, как я или ты. Даже если лицо, глаза, волосы, нос или идеи не похожи на твои, радость, печаль, слезы, улыбка коснутся тебя как твои. И поскольку это касается души, оно непременно прильнет к твоей душе, напомнит тебе о людском, о том, что ты - человек. То, во что можно поверить и понять, прочитав тысячи страниц, душа это может сказать за пять минут. Вот почему, когда слышишь реальную историю, думаешь - а если бы я был вместо него, как бы я поступил? Можешь ли представить себя в такой ситуации, сохранишь ли в себе человека? Когда сердце и совесть берутся за работу, душа приближается к душе. После этого кто бы что ни сделал, она не уйдет. Как это случилось с одним из членов моей семьи, который посмотрел в лицо Геноциду армян.

Прочитав книгу Фетхие Четин «Моя бабушка», я передала ее одному из членов моей семьи, который не признавал Геноцид армян, говоря «да, тогда произошли какие-то события»... и довольствовался этим. Хотя с самого начала он не хотел приступать к книге, но, начав ее, завершил на одном дыхании. Потом сказал: «Всю ночь плакал о тете Сехер». Затем поправил себя - «О тете Грануш»... «Какую жизнь и какие истории пришлось пережить этим людям... Будь я на их месте, не знаю, что бы я сделал. Пусть Бог нас всех простит...»

Столько лет он не хотел верить, но понял, что у 90-летней тети Грануш не было причин говорить неправду. Более того, всегда напоминал слова свекрови Эрзинджян - Эгинц: «Доченька, воды Евфрата окрасились в красный цвет - мы стали свидетелями резни армян, но ничего не смогли поделать...»

Вот такой была настоящая история, которую мы знаем, но как бы ни старались ее забыть, однажды наше подсознание выведет ее наружу, ударит по лицу

и заставит принять ее. Но это не принудительное принятие, это происходит с твоего собственного согласия. И это, пожалуй, самое правильное человеческое признание/принятие.

***Назан Озджан,
редактор журнала Yurt***

◆◆◆

Через несколько месяцев армянство всего мира будет поминать жертв Геноцида армян... 100 лет, безусловно, чисто символическая дата - понятно, что ис требление армян и их искоренение с родной колыбели не началось и не завершилось в 1915 году. Муки армянского народа были более тяжелы, чем это может выдержать один календарный год. Несмотря на это, даже запланированная на высоком государственном уровне, разработанная в деталях и осуществленная в течение длительного времени кровавая расправа не сумела полностью превратить в реальность эту преступную идею - в полном ее объеме. Причин было множество, но одна из них, пожалуй, самая важная - помощь...

Имена людей, благотворительных организаций и государств, которые протянули руку помощи армянам, всегда с благодарностью упоминаются в каждом свидетельстве, воспроизводящем ужасы Геноцида. Но есть еще одна частичка правды, которая до сих пор была окутана молчанием или о ней говорилось, по крайней мере, только в самых близких кругах - речь о турках, которые во время резни пришли армянам на помощь.

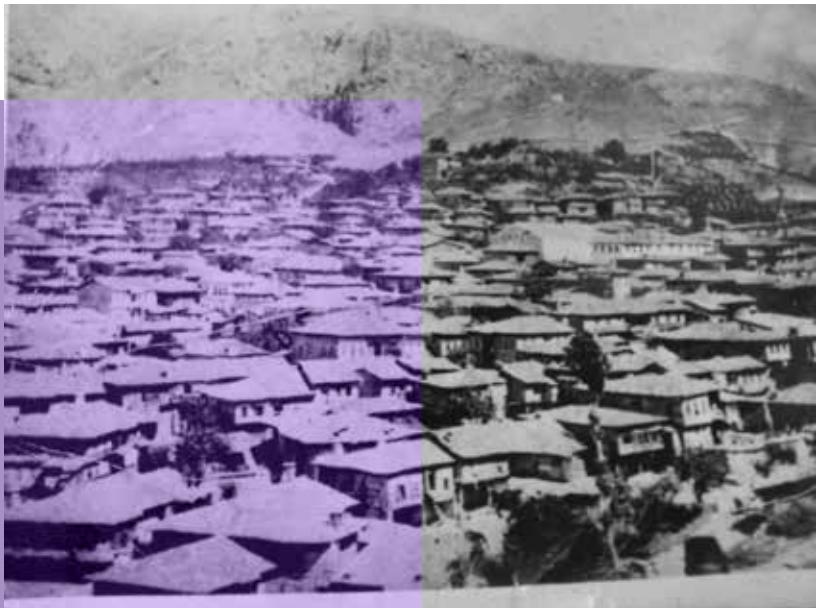
Рассказы, представленные в серии «100 лет... Реальные истории», являются свидетельством факта, который вновь подтверждает бесспорную истину: милосердие и совесть - это ценности, которые не признают ни национальности, ни религиозной принадлежности, ни каких-либо других реальных или придуманных границ.

Этот сборник рассказов - попытка оценить по достоинству тех Людей, которые не испугались и протянули руку спасения армянам, даже рискуя собственной жизнью. Это также попытка должным образом представить правду и реальность, так как в этой реальности были как те, кто спланировал и осуществил Геноцид, так и те дети Турции, чьи усилия позволили защитить и спасти некоторые армянские семьи и армян от этой страшной трагедии.

*Анна Мкртчян,
главный редактор информационно-аналитического
агентства «Армедиа»*

Реальные истории

Село Муратчай

«Пекарь-турок укрывал моего деда в своем доме, потом сдал его в американский приют Стамбула»

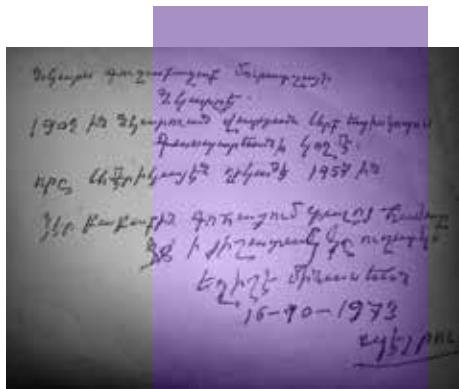
Рассказывает Григор Аветисян

Мой дед по отцовской линии, Аветис Аветисян, родился в 1900 году в селе Муратчай (Мурадчай) Эскишехирского района. Название деревни теперь изменилось, я не знаю, как она называется сейчас. В то время в деревне проживало около 10 000 человек, в основном они занимались животноводством. В Муратчae было две церкви - одна из них была построена до 1900 года, а вторая - построена и сдана в эксплуатацию уже в 1900 году. Мой дедушка работал в этой новой церкви звонарем. В отличие от Восточной Армении, в церквях Западной

1915

Свидетельство о работе пекарем в Болгарии

Рукописная надпись на оборотной стороне фотографии села Муратчай

Армении не было колоколен, и о службах и литургиях в селе узнавали благодаря молодым людям, которые ходили по всей деревне и звонили в гонг.

Дед моего деда, Авет Хаджаветанц, продавая скот в городе Эскишехир, что находился примерно в 60 километрах от деревни, подружился с семьей одного турецкого пекаря. В 1914 году Авет Хаджаветанц взял своего внука, моего дедушку, в ученики к этому пекарю-турку.

Когда начались массовые погромы и депортация армян, мой дедушка находился в доме турка. В 1915 году этот турок, фактически, спас моего деда от резни, укрыв его в своем доме и скрыв от всех, что он армянин, а позже передав его в американский приют в Стамбуле.

Дедушка рассказывал, что когда период напряженности остался позади и появилась возможность вернуться, он сразу же решил отправиться в деревню и найти своих родителей. Возвратившись в село, дед застал Муратчай полностью опустошенным, разграбленным, разрушенным, а родственников - убитыми. Увидев все это, дедушка решил присоединиться к греческой армии в качестве солдата. По его словам, на передовой линии греческой армии в основном сражались армянские силы, греки шли с тыла.

Уже после поражения греческой армии мой дед переехал в Болгарию и поселился в городе Стара Загора, где познакомился с моей бабушкой и женился на ней. В Болгарии мой дед зарабатывал на жизнь выпечкой хлеба - работал

пекарем у одного турка. Через некоторое время мой дед уже сумел купить дом, потом - выкупил у этого турка пекарню. Они прожили в Болгарии до 1933 года, а в 1933 году вместе со своими двумя сыновьями переехали в Армению.

Однажды я спросил деда, какова примерная стоимость того дома и пекарни, которые они оставили в Болгарии при переезде в Армению. Дедушка ответил: «Ну, пусть будет миллион». На мой вопрос, почему он это все оставил и приехал в Армению, дед сказал: «Я приехал сюда и нашел девять миллионов»... И он начал перечислять на пальцах имена девяти своих внуков, которые говорили по-армянски и выросли армянами.

Мой дед часто рассказывал о своей истории спасения от Геноцида, о трудных годах и испытаниях, последовавших за этим. Рассказывая о турках, он часто повторял, что уже отомстил им за все. «Тебе больше нечего делать», - говорил мне. Только теперь я понимаю, что он говорил так специально, чтобы я не жил мечтами о возмездии, а просто спокойно прожил свою жизнь. Всегда сохраняя прошлое живым - в мыслях и в памяти, преодолев многие и многие испытания, в 1977 году мой дед нашел свою смерть. ■

1915

Римма Петросян

«Я помню и хорошее, и плохое...»

Рассказывает Римма Петросян

Мой отец, Петросян Сирекан, был из Западной Армении, из исторического Игдира. Эмигрировал в 1914 году.

О Геноциде рассказывали и мой отец, и мои тети, его сестры. Тетя рассказывала, что, убегая, они закопали кувшин с золотом у себя во дворе и оставили его там. Говорила, что как только услышали новость, бросились бежать, не успев что-либо взять с собой. Плача, она рассказывала, что кувшин закопали, думая, что еще вернутся туда. Мой брат часто спрашивал ее о том, в каком месте находился их дом, как он выглядел - в надежде, что он сможет поехать туда и найти это золото и другие вещи.

Две мои тети, одна из которых скончалась в 65-ом году, а другая - в 85-ом, жили на берегу реки Араз. Их наследники до сих пор там живут. Когда я была маленькой и уезжала к ним, спрашивала - почему они приехали и поселились именно здесь, ведь после Геноцида все в основном уехали за границу? Тетя в ответ показывала рукой на их земельный участок и то, что находилось чуть

дальше в этом направлении, и говорила: они остаются тут, чтобы сразу после открытия границы могли снова вернуться к себе домой.

Мой отец рассказывал, что их было три брата и три сестры...

В то время турки и армяне жили вместе. Они были очень близки со своими соседями, дружили с ними, делили хлеб, работали вместе... Однажды мой отец очень удивился, когда этот самый его друг сказал ему, что готовится план резни армянской нации, и что они должны бежать. Мой отец тоже предупредил, кого смог - из армян. Идя от дома к дому, мой отец многих спас. Он, его брат и сестры перебрались на другой берег Аракса и поселились там. Мои тети жили там до самой смерти, а отец приехал в Ереван. Рассказывая, мой отец всегда отмечал, что если бы не его друг-турок, их бы тоже убили, как остальных.

В Ереване мой отец женился, у него родились двое детей. До этого он был женат, его жена скончалась до депортации - от этого брака у отца было еще двое детей. Их тоже растила и воспитала моя мама - мы только годы спустя узнали о том, что они - не дети нашей матери.

Мой отец всегда говорил, что турецкий народ не виноват; судить надо пашей...

Я помню - как хорошее, так и плохое. ■

«Турки относились к Гюлизар как к собственному ребенку и отказывались давать ее американцам на попечение»

Рассказывает Ромелла Гулянц

Я - Ромелла Гулянц, эту историю я слышала от моего крестного. Во время семейных посиделок он часто рассказывал о своей бабушке Смбулян Гюлизар, которая родилась в 1899 году в селе Гемерек, в Себастии. Ее отец был губернским чиновником не очень высокого ранга. Дома было трое детей: старшая дочь, Гюлизар и брат.

Крестный рассказывал, что в дни резни всадники прискакали ночью в деревню и насильно вывезли отца Гюлизар из их дома. Через несколько дней убили и их мать. Дети остались сиротами, рядом с ними никого не было. Несколько дней спустя, во время очередного налета на деревню, один из наездников-турок похитил брата Гюлизар, которого она больше никогда не видела, а другие всадники похитили саму Гюлизар. О судьбе старшей сестры Гюлизар тоже больше ничего не было известно.

По словам моего крестного, похитивший Гюлизар турок отвел ее в свой дом, и, поскольку в его семье в течение многих лет детей не было, они отнеслись к Гюлизар как к собственному ребенку и ни в коем случае не хотели отдавать ее в сиротский приют.

Через несколько лет в семье турка родился ребенок - мальчик. После этого турки часто говорили, что армянская девочка стала для них даром судьбы, принеся им в дом что-то священное, вот почему у них родился ребенок. «Гюлизар была ребенком со счастливой звездой», - цитировал крестный слова турка.

После пяти лет жизни в турецкой семье из посольства США пришли люди, которые искали армянских детей, спасшихся от Геноцида. Армянка, работающая в деревне в доме одного из турок, которая знала дочь Смбуляна, сообщила со-

Гюлизар – в первом ряду,
первая справа

трудникам посольства о Гюлизар. Через несколько дней они ночью похитили Гюлизар, поскольку турецкая семья отказывалась сдавать ребенка на попечение американцев.

На следующий день турецкая семья пошла в посольство с просьбой вернуть девочку. Американцы категорически отвергли такую возможность, но позволили им на несколько часов увидеть Гюлизар.

Во время визита турок дал ребенку денег и их домашний адрес, попросив ее вернуться домой, когда она пожелает. Крестный рассказывал, что много лет спустя адрес этого турецкого дома еще хранился у Гюлизар.

Посольство США доставило ребенка из Турции в Грецию, в детский дом

1915

Гюлизар – в первом ряду, первая слева

Итипсос, где Гюлизар получила образование, потом вышла замуж. Ее свекровью была кузина Андраника Озаняна, дочь его папиной сестры. Она искала невесту для своего младшего сына, Овсепа. После замужества Гюлизар сменила свое имя на армянское Асмик. Год спустя у Овсепа и Асмик родился первенец - Григор. В 1936 году они переехали в Ереван, где родился их второй сын Арменак. В Ереване они жили довольно состоятельно, но этот период совпал со сталинскими репрессиями, и семья, опасаясь депортации и преследований, продала все свое имущество и мигрировала в Тавриз. После смерти свекра семья переехала в Салоники, в Грецию. Там Овсеп скоропостижно скончался, и все бремя забот о семье легло на плечи Асмик.

Увидев мучения Асмик, свекровь решила выдать ее замуж. Асмик сочеталась браком с армянским садовником, живущим в том же городе. Он тоже спасся от Геноцида, но никогда не говорил о том, что произошло в те годы.

По словам моего крестного, на его лице был шрам, который ему нанес турок - чтобы показать, что ребенок мертв, и вывезти его из подвергшейся налету деревни. Со вторым мужем Асмик жилось тяжело. После рождения третьего ребенка - Акопа - семья вынуждена была переехать из города Салоники в деревню, чтобы легче было обеспечить нужды семьи. Во время беременности

Асмик ослепла, и в течение 5-6 месяцев она была незрячей. К счастью, ее зрение восстановилось после рождения ребенка. В этот период старшие сыновья переехали в Германию - на заработки - с целью помочь семье. Через несколько месяцев Асмик и ее муж тоже переехали в Германию, к детям. Это время совпало со Второй мировой войной, и они вновь вернулись в Грецию, где снова с трудом сводили концы с концами. Первое время они жили в старой развалюхе - хижине знакомого соседа. Через некоторое время они купили швейную машинку, муж Асмик стал готовить мороженое и постепенно семья стала становиться «на ноги». В это время проживающий в Болгарии брат мужа Асмик переехал в Армению. Семья Асмик также решила поселиться с ними в Армении (1947 год). Уже в Армении муж Асмик начал работать на мебельной фабрике, они поселились в Арабкирском районе Еревана. Их сыновья и наследники до сих пор живут в Аване.

Асмик прожила 107 лет и скончалась в 2006 году. ■

«Офицер рассказал, что турецкое правительство решило уничтожить всех армян, проживающих в Турции»

*Рассказывает Левон Кафтарян
(запись предоставлена племянницей рассказчика Мадлен Минасян)*

Мой отец был из Агни. Занимался торговлей, у него было 4-5 магазинов. Отец рассказывал, что однажды рано утром, когда он открывал магазин, увидел военного, пришпорившего лошадь перед магазином. Это был турецкий офицер. Он протянул поврежденную серебряную монету, сказав: «Чорбashi¹, вы можете поменять эти деньги?» Отец достал из сундука новую серебряную монету того же достоинства и отдал ее офицеру - в подарок, не взяв денег взамен. Офицер поблагодарил его и уехал.

Через два года, в 1892 году, начались погромы армян. Однажды утром с ми-нарета прозвучал сигнал, и началась бойня. Отец рассказывал, что увидел вдруг нескольких солдат, стоящих у их двери. Разъяренная толпа прошлась, громя все вокруг, грабя магазины. Когда они дошли до нашей двери, солдаты сказали: «Здесь мы не имеем права грабить». Так и ушли.

Вечером налет прекратился. Отец говорит, что в дом к ним зашел один офицер и сказал: «Доброе утро, чорбashi! Знаешь, почему ты получил свободу?». Отец спросил - почему? «Помнишь, ты подарил мне серебряную монету, я не забыл этого. Два года спустя я пришел, чтобы освободить тебя и твою семью».

Офицер рассказал, что турецкое правительство решило уничтожить всех армян, проживающих в империи. Он также сказал, что, поскольку мой отец - добрый человек и сделал много хорошего для города, градоначальник и тысяц-

---

¹ Бashi - (от тур. basch - голова) - в соединении с другим словом означает «начальник, главный»

кий² ему предлагают уехать вместе со всеми родственниками.

Отец сказал, что четыре его брата живут в других городах - в Диярбекире, в Малатии. Что будет с ними? Военный ответил, что им прикажут немедленно приехать куда надо.

Все они собрались. Десять жандармов - кто на конях, кто пешком - довезли их до побережья Черного моря. Там усадили их на корабль и отправили в Россию. Так они доехали до города Сухум. Они уже были свободны.

Во время русской революции отец с семьей переехал в Болгарию. Там он тоже занимался торговлей - был приказчиком знаменитого Гюльбенкяна³. Я родился уже в Болгарии, в Варне, в 1905 году. ■

² Тысяцкий - военачальник

³ Гюльбенкян - британский финансист, промышленник и филантроп, крупный нефтяной магнат первой половины XX века

«Мой отец до конца жизни помнил Забита-эфенди»

Рассказывает Акоп Маргарян

Наша настоящая фамилия - Малхасян, но по велению судьбы мы стали Маргарянами.

Мой отец, Арутюн Маргарян, родился в 1899 году в городе Эвджилер провинции Ван. Отец моего отца, Вартан, был смотрителем, когда началось строительство железной дороги Берлин - Багдад. Там были рабочие разных национальностей - армяне, греки, турки, курды, арабы. Когда они получали зарплату, приносили на хранение моей бабушке, Вардуи. Она вносила все имена в список и хранила эти деньги в сундуке.

Когда началась резня 1915 года, одним из первых увезли моего дедушку Вардана. Он стал одной из первых жертв погромов. У него был хороший друг-турок - Забит-эфенди, который тайком увез всю семью и держал их у себя дома около 4 - 5 лет. Там были бабушка, мой отец, его старший брат Мигран, 1895 года рождения, Айк (1898 г.р.) и их сестра Агавни.

Они жили вместе с турецкой семьей, работали с ними. Этот человек никогда не ставил различий между собственными сыновьями и моим отцом, его братьями... также их кормил, одевал...

Мигран, старший брат, работал в этом городе в казино.

В 1918 году Миграна забрали в армию. Там его командир-турок сказал: «Возьми мою жену и ребенка, отвези их в Полис⁴, оттуда убегай куда хочешь - лишь бы больше не возвращался».

Мигран довез семью командира в Полис. Там в порту стоял болгарский корабль. Он подошел и сказал: я армянин, хочу сбежать отсюда. Его взяли на борт.

⁴Полис - так армяне называли Константинополь, ныне Стамбул

Так он оказался в Греции.

Когда началась вторая волна погромов, Забит-эфенди сказал: «Я больше не могу укрывать вас, вы должны уехать». Он наполнил хурджины⁵ едой, положил все, что может понадобиться в дороге, и бабушка с детьми собрались в путь.

Сын турка был в ссоре с моим отцом. Возможно, молодому парню не нравилось, что его отец так хорошо относился к армянам. Но, провожая их, он подошел к моему отцу, обнял его и сказал: «Не помни обо мне плохого».

Так они собрались в Киликию, город Дерсим. По пути было много всего, но они без потерь добрались до Дерсимиа.

С ними была и невестка моего дяди Миграна - Евпраксия. По дороге она заболела ветрянкой, которая очень опасна для окружающих. Ее изолировали. Но мой отец дал врачу-итальянцу денег, чтобы забрать девушку из больницы. И ее,

⁵Хурджин - традиционная восточная сумка

1915

Слева направо – Арутюн и Айк

положив вместе с трупами, вывезли из больницы и привезли домой. Врачу каждый день давали один золотой, чтобы он ее лечил дома. И Евпраксия выжила.

Они достигли города Дерсим. Весь порт был усыпан трупами, люди ходили по ним, собираясь сесть на корабль. Их было так много, что с корабля на них выливали кипящую воду, чтоб они не поднимались на палубу. Они сбрасывали с корабля толстый трос в толпу. Кто оставался на этой стороне троса, того брали на борт, кто был по другую сторону - оставался на берегу. С большим трудом всей семьи удалось подняться на корабль.

И вдруг в этой суматохе они обнаружили, что нет их деревянного ящика. Наверно, помните, такие были у чистильщиков обуви на улицах. Всю дорогу они таким образом зарабатывали деньги и хранили золото в потайном ящике этого деревянного короба. Айк заметил, что ящик плавает в воде. Он бросился в воду и поднялся на корабль уже вместе с коробом.

Сначала они побывали на острове Закинтос. После резни, когда армяне были разбросаны по всему миру, они оставляли информацию о себе в армянских церквях - типа «мы находимся в таком-то месте». И так многие нашли друг друга.

Србуи и Арутюн,
1926 год

Невестка Миграна, Евпраксия, оставила в церкви записку: «Мы находимся на острове Закинтос». И в один прекрасный день дверь открылась и в нее вошел Мигран.

Там было много беженцев. Однажды моему отцу сказали, что там много красивых девушек. Мой отец пошел и увидел мою маму - Србуи, которой тогда было 16 лет. Отец сказал ей: «Пойдем, я покажу тебе кое-что интересное». Так он отвел ее к себе домой и не позволил вернуться обратно. После этого они поженились и переехали в Афины, это было в 1926 году. Обосновавшись там обувную мастерскую, затем открыли магазин. Однажды отец выпивал в таверне и разругался с одним греком. Тот сказал: «Убирайтесь отсюда, уезжайте в свою страну, что вы тут делаете?» Отец ударил грека. По этой причине он около восьми месяцев сидел в тюрьме. Вышел оттуда и решил: действительно пора уезжать в Армению. Кстати, у моего отца был нансеновский паспорт⁶.

Добрались они до порта. Там оглашали списки имен, после чего разрешали

⁶ Нансеновский паспорт - международный документ, который удостоверял личность держателя и впервые начал выдаваться Лигой Наций для беженцев без гражданства

людям сесть на корабль. Читают «Маргарян», никто не отвечает. Снова читают, вновь никто не отвечает. И в это время отец мой говорит: «Мы Маргаряны». Вместе с семьей он поднимается на корабль и доплывает до Кавказа. Это был 1932 год. Так наша фамилия из Малхасян превратилась в Маргарян.

Отец до конца своей жизни помнил Забита-эфенди. Он крестился и говорил: «Дай Бог ему всего хорошего!»... ■

«Волосы армянских женщин колыхались в море, напоминая водоросли»

Рассказывает Наира Мкртчян

Я расскажу историю семьи моего деда по материнской линии - Саргиса (Серго) Гуюмджяна (Куюмджяна).

Отца моего деда Серго звали Григор (1876-1948), мать - Гаяне (1877-1959), ее называли Нене. Их дети - Саргис, Манук, Вардуи и Србуи. Жили они в Измире. Григор и его отец были известными инженерами - механиками, а дедушка - ювелиром. Отсюда и их фамилия: на турецком языке «куюмджу» означает «ювелир». Говорят, что одним из представителей их рода был и известный художник 19 века Архип Куинджи.

Я смогла восстановить историю спасения семьи, вспомнив рассказы моей матери Гаяне Куюмджян и ее брата Григора Куюмджяна (сына Манука), которые они слышали от деда Григора.

«В этот день к нам пришел сосед, который был наполовину турок, наполовину кавказский мусульманин какой-то национальности. Он служил офицером в турецкой армии. Пришел и сказал, что нам нужно быстро собираться и бежать, потому что ожидается резня. Мы быстро собрались, взяли одеяла - для укрытия, еду, деньги, которые были дома, и пустились в путь. Времени забрать спрятанное золото не было.

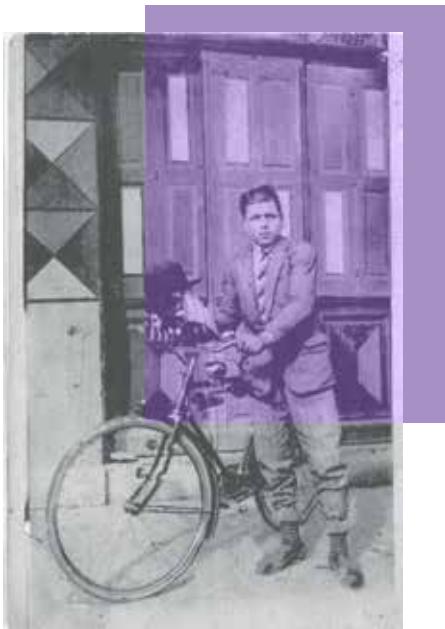
Все члены нашей семьи, особенно девочки, были очень красивы: белокожие, светло-рыжеволосые, светлоглазые. Сосед-турок сказал: «Не могу позволить, чтобы убили таких красивых людей».

По его совету мы нанесли на лица девочек сажу и ушли. Турок довез нас на ослах до позиций греческой армии. На каждом шагу по пути в порт стояли жандармы. Каждому давали по одному золотому, в разные карманы клали золотые

1915

Дедушка Григор

Саргис Гуомджян

монеты. Так мы с большим трудом дошли до порта, сели на корабль и отправились в Грецию. Вот так спаслась наша семья.

В Измире был геноцид - запланированный и неописуемо жестокий. Мы смогли вовремя убежать, благодаря этому соседу - турку. Только через годы нам рассказали, что когда тот турок вернулся и когда они узнали, что он нам помог, всю его семью вместе с ним зарезали».

Мама рассказывала, что ее бабушка Нене каждую ночь, перед тем как лечь спать, вспоминала и благословляла этого турка. Нене также рассказывала, что видела с палубы греческого корабля, как обезглавливают армян и как много трупов бросают в море. Она рассказывала, что «длинные красивые волосы армянских женщин колыхались на волнах и напоминали водоросли». Эта картина очень впечатлила ее, она всегда вспоминала ее с причитаниями.

Семья Гюмджян жила в Афинах до 1932 года. Григор работал в Центральном банке - по части несгораемых сейфов. Он был известен не только как хороший мастер с «золотыми руками», но и как очень добрый и честный человек. Однажды он увидел, что во дворе стоит один несгораемый сейф. Спросил - почему его не используют? Сотрудники банка сказали, что он давно там стоит, поскольку никто не может открыть его секретный замок. Григор решил попытаться открыть его. После нескольких дней кропотливого труда сейф открылся. Увидев его содержимое, Григор потерял сознание: сейф был полон денег, золота и драгоценных камней. Все найденное мастер передал в банк. Об этом написали все газеты в Афинах.

В 1932 году семья Гюмджян переехала в Армению, в Ереван. Саргис Гюмджян стал заслуженным рационализатором Армянской ССР, главным механиком кондитерско-карамельной фабрики, Героем социалистического труда, членом Общества рационализаторов и изобретателей СССР. Во дворе моего деда Серго называли «шоколадным дедушкой», потому что у него всегда были сладости для детей.

Семья жила на берегу реки недалеко от железнодорожного вокзала - на Октябрьском проспекте (ныне Тигран Мец), рядом с железнодорожным мостом. На месте их домов теперь - искусственный пруд.

Однажды Серго услышал тревожный гудок локомотива. Он вышел из дома и увидел, что поезд стоит на мосту, гудит, от него валит черный дым, народ переполошился, а машинист убегает, оставив поезд в таком состоянии. Серго и его брат Манук взяли инструменты и побежали к паровозу. С большим трудом им удалось открыть перегретый паровой котел и выпустить горячий пар, который вышел с большим напором. Если бы они хоть немного замешкались, поезд мог бы взорваться, приведя ко многим человеческим жертвам... ■

Анаит Партизпанян

«Соседи - турки, поняв, какая судьба ожидает пленных армян, помогли им сбежать»

Рассказывает Анаит Партизпанян

Когда я родилась, моего дедушки уже не было в живых, поэтому, к сожалению, я не услышала воспоминания деда, видела только бабушку - Аршалуйс Канканян. Бабушка много рассказывала о Западной Армении. Говорила, что жили они очень хорошо, имели хорошие дома, но были вынуждены эмигрировать.

Хотя она была юной, когда они уехали оттуда - ей было 14 лет, она всегда говорила о доме очень тепло, рассказывала о красоте природы своей родины. В то время моему деду - Манвело Партизпаняну - было 20 лет. Они приехали из города Ван. Как я понимаю, армяне там жили очень хорошо, вплоть до того, что держали дома работников, владели большим состоянием, однако во время депортации мало чего могли взять с собой.

*Аршалуйс Канканян и Манвел
Партизланян – с внуками*

Я была школьницей, когда бабушка рассказала, что до изгнания они запрятали в стенах большое богатство. Никто не думал, что они уходят навсегда; люди надеялись, что в один прекрасный день они смогут вернуться домой.

Бабушка рассказывала, что их спасли соседи - турки. Говорила - если бы не они, наверно, нас не было бы в живых. Во время депортации их - довольно большой группой - взяли в плен. Всех армян собрали и заперли в одном месте. Интересно, что в это время им на помощь пришли именно местные турки - соседи. Увидев плененных армян и поняв, что обычно пленникам не удается остаться в живых, они помогли сбежать не только семье моей бабушки, но и всей группе пленных.

Как говорила бабушка, у них были очень хорошие отношения с соседями - турками. Она рассказывала, что жили они бок о бок и очень тепло относились друг к другу.

1915

По ее рассказам, среди тех, кто попал с ними в плен, была и мать Сильвы Капутикян⁷.

Кроме того, есть еще одно очень важное обстоятельство: работавшие в семье моей бабушки слуги-турки были настолько верны им, что, узнав о готовящихся погромах армян, они пришли и предупредили их, чтобы те бежали.

Но моя бабушка помнила также ужасы резни: как на их глазах пронзали мечом беременных женщин, отрубали мужчинам головы, насиловали молодых девушек. По ее словам, девушки-армянки бросались в озеро, предпочитая умереть, но не попасть в руки врага.

Тогда девочки выходили замуж рано, в 13-14 лет. Моя бабушка тоже вышла замуж в 14 лет. Они вместе с дедушкой приехали в Армению и поселились в Ереване. На деньги, которые привезли с собой, они смогли обосновать тут собственное дело и жили здесь довольно хорошо. У них было три сына.

...Их мучала нескончаемая тоска по родине. Бабушка любила собирать своих внуков и рассказывать им о Западной Армении. Несмотря на то, что ей было всего 14 лет, когда она эмигрировала и с тех пор жила в Ереване, она до конца жизни говорила на западноармянском языке. От нее я много слышала о ванском тарехе⁸, о воде и воздухе Вана, и, хотя они в Ереване тоже жили в хороших условиях, она всегда с тоской говорила об оставленных там домах. У них была большая семья, но она так и не смогла узнать ничего о судьбе своих родственников. Бабушка всегда говорила: «Как дороги открываются - пойду, найду свой дом». Но тогда даже думать об этом было невозможно. Она была очень грамотной женщиной и без конца читала. Ей было 85 лет, когда она скончалась - и даже в эти годы она читала без очков.

Сегодня мы все еще пытаемся найти наших родственников. Благодаря нынешним современным технологиям, это сделать намного проще. Наша фамилия уникальна - Партизанян, и мы знаем, что все носители этой фамилии - из Западной Армении. Многие даже сами вступают в контакт, пытаясь выяснить, являются ли мы их родственниками... ■

⁷ Сильва Капутикян - армянская поэтесса

⁸ Тарех - ванская сельдь

«Мой дед надеялся, что когда-нибудь его семья вернется к своему очагу»

Рассказывает Гаяне Петросян

Когда я была маленькой, мне всегда было интересно, где моя бабушка Вардануш нашла необычные имена для своих сыновей. Но когда выросла, и бабушка, и мой отец с братьями рассказали историю семьи моего деда Самсона. Тогда я поняла, что это не только неслучайные имена, но они имеют и грустную предысторию.

Самсон Петросян - отец моего отца Вардевана, который жил в городе Кагзван. Отец моего деда, священник Петрос, был известным, уважаемым и богатым человеком в Кагзване. Его отца звали Григор.

Это были дни Геноцида 1915 года. Дедушка Самсон вернулся домой и, не застав там свою семью, невольно вспомнил слова своего отца, сказанные сыновьям: «Если вы издалека вернетесь домой и увидите, что дверь закрыта, пойдите к нашему ореховому дереву. Если вы найдете захороненным под ним наше семейное богатство, значит, мы убежали, покинули нашу деревню». Когда дедушка откопал под ореховым деревом кувшин с золотом, стал плакать навзрыд. Он вновь закопал этот кувшин - с надеждой, что когда-нибудь все вернутся к своим очагам.

В дни Геноцида турецкие янычары⁹ устроили специальные сборы - как будто с целью забрать в армию молодых армян, но на самом деле бросали их в тюрьмы, чтобы те не могли защитить свои семьи во время резни. В тюрьме, поочередно оглашая имена и фамилии, они вызывали молодых людей наружу и убивали их. Однажды огласили имя моего деда. Командир янычаров приказал одному из своих солдат отрезать голову «этому гяуру»¹⁰, промокнуть его одежду в крови и принести ему.

⁹ Янычары - регулярная пехота вооруженных сил Османской империи

¹⁰ Гяур - неверный, презрительное обозначение человека, не исповедующего ислам

Янычар отвел моего дедушку на пустынное место, чтобы убить его. Чтобы в последний раз попрощаться с родиной, дед наклонился и бросил в рот пригоршню земли. В тот самый момент, когда дедушка наклонился, янычар понял, что со спины эта фигура очень знакома ему. Он спросил деда, кто он и откуда, и, когда узнал, что он Самсон - сын священника Петроса из Кагзвана, он опустил винтовку, обнял моего деда, сказав, что работал в доме его отца, и что именно его отец - Петрос - спас семью янычара от голода. Он напомнил деду, что он - Али, и что он носил его на плечах, когда дед был совсем мал. Дедушка вспомнил его. Али не убил дедушку Самсона. Он подождал, пока наступила темнота, отвез деда к себе домой, заколол бычка, обмакнул одежду моего дедушки в эту кровь и передал ее командиру.

Турок-янычар отнесся к моему дедушке как к собственному сыну, одел его в одежду своего умершего от болезни сына, и так, в течение нескольких месяцев, тайком от турок, укрывал деда Самсона у себя дома. Но все это время мой дед постоянно просил Али отправить его в Армению.

У умершего сына Али была жена, которая жила в том же доме, что Али. Дед рассказывал, что это была женщина неописуемой красоты, и Али хотел уговорить деда жениться на его невестке и стать ему сыном. Но дед каждый раз отказывался. Когда Али попытался уговорить его снова, у деда хватило смелости сказать: «Хотите, убейте меня прямо здесь, но я не женюсь на турчанке». Али наконец понял, что уговаривать дедушку бессмысленно и ночью переправил его через границу. Наконец дед добрался до Эчмиадзина, где по велению судьбы

встретил брата своего отца, дядю Минаса, с которым кое-как перебивался, проводя ночи то там, то тут. Увидев, что долго так продолжаться не может, дядя уговарил дедушку Самсона уехать из Эчмиадзина и отправиться на поиски работы в деревню. Так дед добрался до села Кош (в старину - Квашаван), где и создал свою семью и построил дом. ■

«Когда турецкому солдату приказали стрелять в беженцев, он выстрелил в воздух»

Рассказывает Татевик Григорян

Бабушка моей мамы, Гаяне Диатян, была единственным долгожителем нашего рода. Она скончалась в 2004 году - в возрасте 93 лет. Естественно, каждый из нас питал к ней особое уважение. К сожалению, мне было всего 14 лет, когда она умерла, и я многое тогда не понимала глубоко. Только сейчас я могу оглянуться назад и осознать, что она не была обычным человеком, она была человеком с уникальной судьбой, на которой свой отпечаток оставил Геноцид армян.

Родители бабушки моей матери - Арусяк и Амаяк Диатяны - жили со своими двумя дочерьми в Карсе. Я слышала, что они жили там достаточно богато. Полагаю, они занимались торговлей. Матери моей бабушки, Гаяне, было четыре года во время Геноцида. Ее старшая сестра Назик, как я слышала, была очень красивой - ее всегда прятали от турок.

В этой истории интересно то, что, несмотря на всю жестокость и зверства, которые нам известны, есть здесь и волнующий момент... На пути изгнания из Карса (обстоятельств и подробностей не знаю), когда турецкому солдату было приказано стрелять по беженцам, он выстрелил в воздух... Я помню, как бабушка Гаяне всегда рассказывала мне об этом со слезами на глазах.

После депортации их семья обосновалась в Джаваххке. Она стала учительницей армянского языка и прожила очень трудную жизнь.

Естественно, такую историю трудно не запомнить, невозможно упрятать что-то положительное. Но при этом, независимо от всего, огромные последствия массовой резни тоже говорят сами за себя...

Я - представитель четвертого поколения тех, кто пережил Геноцид. Я с детства знала, что и у матери, и у отца моей бабушки были интересные истории

Семья Диатян в Карсе

Гаянэ Диатян

жизни, и тема Геноцида для меня всегда была очень важной. Вот почему я, как журналист, занималась сбором историй очевидцев Геноцида. Каждая из историй несет в себе сильные эмоции и большое горе. И очень интересно, что пережившие Геноцид всегда имеют желание вернуться на родину. Дом, который они оставили в Карсе, Мусалере, всегда - самый лучший для них...

* История Татевик Григорян была также опубликована на сайте агентства «Арменпресс». ■

Анна Ахвердян

«Предостережение со стороны турецких слуг спасло жизнь семье Зрвандян...»

Рассказывает астроном Анна Ахвердян

Я расскажу историю семьи Зрвандян - семьи моего деда. Они жили в Ване и принимали активное участие в самообороне города. Дед моей мамы, Тигран Зрвандян, был женат на Аршалуйс Эрджян. Семья Зрвандян была уважаемой в Ване; отец Тиграна был богатым торговцем и одновременно был советником мэра. Он принимал делегации, приезжающие из Европы. У семьи Зрвандян был трехэтажный особняк прямо на одной из центральных улиц Вана. У них были слуги, в том числе турки.

Именно эти слуги-турки и предупредили семью Зрвандян о предстоящих pogromах, хотя в Ване в то время уже начались беспорядки. Тигран со своей женой Аршалуйс и тремя детьми в декабре 1914 года мигрировал в Восточную Армению. Родители Тиграна, которые были уже в преклонном возрасте, отказались покинуть Ван: они остались в городе и приняли участие в его самообороне. Во время одного из оборонительных боев они погибли.

Тигран и его семья испытали много лишений на пути миграции. Они взяли с собой только предметы первой необходимости, а также золото, благодаря которому они и просуществовали в первое время. На пути изгнания они также потеряли своих детей. Отец моей матери родился уже в Восточной Армении, через четыре года после переселения, в 1918 году. ■

Србуи Балузян – в центре

«В нас осталась частичка тоски моей бабушки»

Рассказывает Анаит Газарян

Моя бабушка родилась в 1906 году в ванской деревне Алюр, на восточном берегу озера Ван. В той же деревне родился и мой дедушка Мампре. Их судьба была предопределена с детства: родители договорились о «башикяртме» - их сосватали с колыбели. Я мало что знаю о дедушке Мампре, он не был разговорчивым. Каждый раз, когда бабушка рассказывала о Геноциде, он начинал курить и тяжело вздыхал. У меня больше информации о бабушке Србуи. Она много рассказывала, как будто не могла успокоиться. Испытывала нескончаемую тоску по своей родной деревне и до последнего мига своей жизни твердила: «Однажды я войду в свой отчий дом» (на западно-армянском).

В канун известных событий деревня Алюр жила обычной жизнью. К бабушке домой пришел один турок - знакомый ее отца, Маргара, и предупредил о готовящемся нападении. В то время дома были моя бабушка, ее незамужняя тетя - папина сестра Ноемзар, и их мать Енгибар. Когда турецкий друг моего прадеда

Письма проживающих в США
родственников Србуи

увидел, что его нет дома, он предложил его семье убежище в своем доме. Они пошли к нему домой и некоторое время там прятались, но соседи заметили, что в доме есть армяне, поэтому опасности подвергся и хозяин дома. Вынужденно они покинули это укрытие.

Это было как раз тогда, когда в деревне Алюр началась страшная бойня. Кстати, Алюр считался самым большим и самым армянонаселенным селом этого региона - с двумя армянскими церквями и гимназией для мальчиков и девочек. Уже до рассвета вся деревня превратилась в пепел. Мужчины, которые успели бежать, спаслись; другие были убиты, сожжены, зарезаны... Женщин и детей заперли в церкви. Около 40 дней они оставались там - без еды, без воды. На 41-ый день ворота церкви открыли. Большая часть заточенных скончалась от голода. Оставшихся в живых вынудили покинуть родные места. Проходя рядом с озером Ван, две женщины перекрестились и бросились со скалы...

Группу беженцев доставили в Салмаст. Там они в течение некоторого времени оставались в палатах. На пути депортации, по дороге в Салмаст, мать моей бабушки, не выдержав трудностей, схватила лихорадку. Бабушка обнимала свою мать, пыталась согреть ее, просила встать, но прабабушка умерла. Тете с трудом

удалось оторвать дитя от бездыханного тела ее матери. Тетя Ноемзар с ребенком сели у какой-то стены. Чуть позже ворота открылись, и какая-то женщина в чадре позвала их внутрь, покормить. После небольшого отдыха моя бабушка и ее тетя продолжили свой путь с другой группой беженцев. Так добрались до Салмasta, а оттуда направились в Багдад.

Бабушка рассказывала, что они спали под пальмами. Из Багдада их на корабле перевезли в Батум. Самое плохое - то, что в Батуме моя бабушка и тетя Ноемзар потеряли друг друга. В это же самое время мой прадед Маркар, шедший по следам своей семьи, волею судьбы на корабле приплыл в Батум. Здесь он нашел Ноемзар. Они вместе долго искали мою бабушку Србуи, но безрезультатно. Полностью потеряв надежду, он с сестрой уехал в Америку. В это время Србуи смешалась с одной из групп беженцев. Среди этих беженцев - по воле судьбы - она встретила моего деда Мампре.

Уже вдвоем они искали тетю, но их пути так и не пересеклись. Вместе с дедом Мампре бабушка приехала в Восточную Армению, в Арташат. На следующий год, осенью 1921 года, они приехали в Давалу. Дедушка и бабушка поженились, но продолжали свои поиски. Каким-то чудом мой прадед сумел узнать местонахождение моей бабушки. Невозможно описать радость бабушки в те дни! Но они так и не смогли встретиться. Вот так, с вечной тоской в сердце, моя бабушка рас прощалась с жизнью, без конца рассказывая о своем горе... Частичка этой тоски осталась и в нас, в наших корнях... ■

Два «лица» Турции

Рассказывает Роза Бекарян

Эту историю знали все в нашей семье, знают ее и сейчас. Мой дед по отцовской линии, Карапет, был единственным выжившим после Геноцида из всего его большого рода. Эпизоды истории много раз слышали и бабушка, и отец, и его брат - мой дядя, но они не любили говорить об этом. А когда появлялись поводы для рассказов, мой отец - Рафик Карапетович Бекарян и мой дядя - Манук Карапетович Бекарян - плакали как маленькие дети.

Когда началась резня, мой дедушка находился в деревне Токат (у них была дача в Токате, а жили они в Себастии). В день нападения вся их семья была в поле. Мой прадед успел схватить за руку своего сына (моего дедушку) и бросить его в стог сена, наказав, чтобы тот не издавал ни звука, что бы ни увидел. Фактически, на глазах моего деда зарезали всю его семью - сестер, братьев, отца, мать, других... Видимо, в результате увиденного дед потерял сознание, а когда пришел в себя, обнаружил, что вокруг все убиты. Он нашел своего отца и других в ужасном состоянии. В это время их соседи-турки, которые до этого, подсчитывая трупы, заметили, что среди них нет младшего сына, нашли его, забрали и спрятали в подвале своего дома.

Соседи-турки несколько дней укрывали моего дедушку. Но, как рассказывал мой дед, те же соседи сами несколько раз оказывались в опасной ситуации. Все было настолько хорошо продумано и рассчитано со стороны государственных властей, что время от времени обыскивались даже соседние с армянами дома турок, чтобы найти армянских детей, которых, возможно, те укрывали. После нескольких таких облав турецкая семья стала бояться. Распространились также слухи о том, что за сокрытие армян были наказаны какие-то турки, а кого-то обезглавили за помощь армянам.

Поэтому хозяин дома через несколько дней ночью тайно отвез моего дедушку в американский приют в Токате, откуда его переправили в Салоники. Так он спасся. Дед рассказывал, что когда их собирались посадить на корабль, к ним

Карапет Бекарян

подошли турецкие солдаты и сказали, что мальчиков группами надо отвести на медицинское обследование. Сначала они забрали 10-15 мальчиков, затем еще одну группу. Мой дедушка был очень бойким мальчиком, из любопытства он заился на мачту. Оттуда он увидел, что мальчиков расстреливают у ближайшей стены. Со страху дед поднял шум, после чего все поняли, куда именно мальчиков забирают. Усилиями экипажа корабля получилось предотвратить смерть остальных.

Из Токата мой дед приехал в Салоники. Он потерял все - своих родственников, все свое имущество... Он, собственными глазами увидевший убийство своих родных, их трупы, не надеялся, что сможет найти кого-нибудь из своих дальних родственников, которые пережили резню. Неудивительно, что пережитое и увиденное им привело к тому, что мой дед получил определенное психическое расстройство, которое проявлялось до конца его жизни.

Каждый раз, вновь переживая эту ужасную трагедию, он переживал, что по-

терял и Священную Книгу - домашнюю Библию. В то время во всех армянских семьях было принято иметь дома Священную Книгу, последняя часть которой обычно подробно описывала историю семьи, происхождение рода, иными словами, содержала данные генеалогического древа. Дедушка испытывал огромную боль и печаль по поводу потери их семейной Библии. Он всегда надеялся, что когда-нибудь найдет ее, но безрезультатно.

Но дед помнил и некоторые устные рассказы, которые ему передали старшие в доме - ведь в армянских семьях было принято знакомить детей с историей предков, с историей происхождения рода с 5-6 лет. Из воспоминаний моего деда становилось очевидным, что это была не первая трагедия, пережитая их родом. Он рассказывал, что наш род происходил из семьи последнего короля Киликии Левона - в результате брака дочери одного из его братьев и французского герцога. Сотни лет назад наши предки - вновь насильно, вновь с трудом выжив - покинули Киликию. Фактически, они обосновались в Себастии после миграции из Киликии...

Спасшийся дед женился на моей бабушке, которую перевезли в тот же детский приют в Салониках. Он был добровольцем в годы Великой Отечественной войны, два или три раза был ранен, прожил очень трудную жизнь. Через годы мой дед скончался именно от осколков, полученных во время войны.

Рассказывая эту историю, мой отец и дядя всегда вспоминали и слова своего отца, который, рассказывая о Геноциде, всегда говорил и о соседях-турках, их отношении к себе. Они, фактически, спасли ему жизнь. Дед всегда говорил, что Турция имеет для него два лица: совершившего Геноцид в лице его организаторов и государства, и Людей - турок, которые во время этого бедствия спасали жизни.

Дед часто повторял: «Счастливы те, у кого есть дедушки и бабушки, есть большая семья, и никто эту семью не отнимает. И дай Бог, чтобы наши поколения столкнулись бы с другим лицом Турции - не с тем, которое наши деды увидели в 1915 году, и не с тем, кто предал забвению Геноцид»... ■

Арутюн Берберян

Арутюн и Мариам

**«Невозможно описать боль и отчаяние деда
Арутюна, когда он увидел свою деревню
разрушенной...»**

Рассказывает Арутюн Берберян

Арутюн Берберян, чье имя и фамилию я ношу, является дедушкой моей матери. Его история чрезвычайно трагична и очень трогательна. Корнями они были родом из Вана, но затем переехали в Йогзлат, поселок у Анкары. Не знаю, почему их фамилия поменялась на Берберян, но они рассказывали, что раньше у них была фамилия Тер-Габриелян, поскольку дедушка Арутюн и дед его деда были священниками. Есть одна версия возникновения фамилии Берберян. Дядя моего дедушки Арутюна (брать его отца) некоторое время работал в Стамбуле брадобреем, по-турецки «бербер». По видимости, отсюда и появилась фамилия Берберян.

В молодые годы Арутюн Берберян поехал в Стамбул - на учебу. Он был весьма образованным человеком. Говорил на нескольких языках, хорошо знал мате-

матику. После миграции в Армению он работал в школе и был здесь известным и уважаемым человеком.

Именно в годы студенчества - во время Геноцида армян - какой-то турок (вероятно, он владел четкой информацией) предупредил дедушку Арутюна, что ожидаются массовые погромы. Дед Арутюн, сумев избежать призыва на военную службу, поспешил в родную деревню Йогзлат, чтобы найти там и предупредить родителей и братьев о надвигающейся беде. Конечно, он не смог бы выбраться из Стамбула живым и здоровым, если бы не помочь турок. Они подготовили для деда Арутюна фальшивые документы, благодаря которым он добрался до родного села. Невозможно описать боль и отчаяние деда Арутюна, когда он увидел свою деревню разрушенной...

В деревне никого не было, в том числе его семьи. Не зная, что делать, дед Арутюн поехал в соседнюю деревню, где жил друг его отца - с надеждой, что там он может найти свою семью. Войдя в соседнюю деревню, он стал свидетелем ужасной картины: перед ним были полностью разрушенные дома и трупы на улицах. У груды женских трупов дед Арутюн увидел девочку (около 12-14 лет), подающую признаки жизни. Взяв ребенка на руки, дедушка Арутюн обнаружил, что на девочке нет никаких ранений и следов крови.

Понимая, что девочка выпила яд, он взял ребенка в какой-то хлев, дал ей выпить мацони и повесил ее там на перекладине лицом вниз, чтобы вся желчь и яд вышли из нее и желудок очистился. Спасая жизнь ребенка, дед Арутюн стал и ответственным за нее. Вместе с девочкой он пустился в путь, чтобы разыскать родственников. По дороге ему сообщили, что один из его братьев находится в Эрзруме. Полный надежды, дедушка Арутюн и эта маленькая девочка Мариам направились в Эрзрум, но все попытки Арутюна найти брата оказались тщетны. Лишь спустя много лет ему удалось найти брата, который бежал в Нахиджеван, а оттуда в Ливан.

Потеряв надежду, дед Арутюн вместе с ребенком пересек границу и достиг Еревана, откуда поехал в Варденис. Несколько лет спустя, когда Мариам выросла, Арутюн женился на ней. У них родились пять дочерей. Чтобы сохранить фамилию Берберян и продолжить наш род, когда я родился, моих родителей попросили назвать меня Арутюном и дать мне именно фамилию Берберян... ■

Аzniv Чалымян

«Родственники Мехмеда хотели убить его за то, что он женился на моей тете»

Рассказывает Нубар Чалымян

Мои предки из Западной Армении, из города Тигранакерт. Никакой связи с Восточной Арменией у нас никогда не было. Сама я родилась в Ираке. Мне было 11 лет, когда мы мигрировали в Восточную Армению. Об отце или матери моего деда у меня нет никаких сведений, я даже не знаю их имен, потому что во времена Геноцида 1915 года моему отцу было всего 3 года. Он не помнил своего отца, даже никогда не видел его фотографии, поскольку погромщики захватили все их имущество, а в связке многих их вещей был также семейный фотоальбом. Моего деда видела и помнила только моя тетя, старшая сестра отца, о которой я и расскажу. Во времена Геноцида она была девочкой 12-13 лет. Мою бабушку Со-ломе, спасшуюся от Геноцида, я тоже видела. Она наполовину была ассирийкой.

Чалымяны были довольно большой династией. Часть рода - семья моего деда - была последователем Армянской Апостольской Церкви. Другая часть была протестантами. Как известно, в Тигранакерте действовала также евангелистская церковь. За год до Геноцида, в 1914 году, та часть, которая придерживалась протестантских взглядов, покинула Турцию и уехала в Европу. Я не могу

1915

Сын и невестка
Азнив Чалымян

Дочь Азнив

сказать, почувствовали они угрозу раньше или нет, но факт остается фактом: они почти никого не потеряли. А моего деда и его братьев убили во время событий 1915 года. В течение достаточно долгого времени их не трогали, потому что они были ремесленниками, и, благодаря их мастерству, некоторое время им удалось избежать резни.

Естественно, семья моего отца в Тигранакерте общалась с живущими там турками, все они хорошо владели турецким языком. Турок по имени Мехмед, которого я не помню, во время Геноцида спрятал семью моего отца. Его родственники преследовали этого турка и хотели убить его за то, что он помогал «гяяурам». Потом он женился на старшей из трех сестер моего отца - Азнив Чалымян, хотя был старше ее на 13-14 лет. Они поженились и решили покинуть Тигранакерт и обосноваться в Ираке. Родственники Мехмеда, в частности, его братья, не смогли смириться с тем, что их брат женился на армянке, и решили найти и убить его. Они тайком прибыли в Ирак и ночью попытались убить его, но безрезультатно. Мехмед получил только травмы.

У Мехмеда и моей тети было двое детей - сын и дочь. Все они имели турецкое гражданство. Сын моей тети прекрасно владел армянским и много лет переписывался с моим отцом. Моя тетя Азнив скончалась в Стамбуле, куда их семья переехала до ирано-иракской войны. К сожалению, у меня нет фотографии этого турка, который, фактически, спас нашу семью. ■

«Для моей милой матери - армянки мы вынуждены были устроить мусульманские похороны»

Рассказывает Сильва Харчафчян

Я расскажу историю Шафиги Рамзи. В Алеппо они были нашими соседями, и мы семьями были очень близки. У Шафиги было две дочери - Дидар (1925) и Улькар (1930). Дидар была преподавательницей физики в университете, она была очень умная девушка. Ее сестра чем-то болела, она так и не проработала всю жизнь, но она тоже была очень умной. На дому она окончила колледж с высокими оценками.

Наша семья мигрировала в Канаду в 1974 году. Я вышла замуж и вновь вернулась в Алеппо в 1978 году. Вместе с мужем мы пошли в дом к Шафиге. Я представила: «Это Геворг, мой муж». И Шафига на чистом армянском сказала: «Геворг, ты знаешь, я тоже армянка». Так я впервые услышала ее армянскую речь. Мы столько лет общались, но я никогда не слышала, чтобы она говорила по-армянски. Я не знала, что ее настоящее имя - Арусяк.

В 1999 году я вновь поехала в Алеппо и узнала, что Арусяк скончалась. Дидар убивалась, ревела навзрыд. Я почувствовала, что что-то ее мучает.

- Дидар, что случилось?

- Ты не понимаешь, мы вынуждены были похоронить мою мать по мусульманскому обычая. Если бы вы были здесь, мы бы похоронили маму по армянским христианским традициям. Но мы, кроме вас, не знали других армян, все наше окружение - мусульмане. Нам пришлось устроить для нашей бедной милой армянской мамочки мусульманские похороны.

Чуть позже Дидар сказала:

- Но ты знаешь, мой отец-турок и моя турецкая бабушка были очень хорошиими людьми и очень хорошо относились к моей маме.

Тогда я сказала:

- Пожалуйста, расскажи мне. Мы столько лет общались, но вы никогда не рассказывали мне историю вашей мамы.

Шафига Рамзи

И Дидар рассказала, что ее мать родилась в 1911 году, в Измире. С 6 по 9 августа 1915 года 4000 армян были изгнаны из Измира, а армянский квартал турки сожгли. На тот момент ее маме было 4 года. Она осталась совершенно одна и стояла на берегу реки. Масуд Рамзи был командиром, он ехал на коне, увидел ребенка и разговорил ее. Даже в таком раннем возрасте девочка сумела рассказать, что ее маму и ее двухлетнего брата убили, и что она осталась совершенно одна. Этот человек забрал ее к себе домой и сказал матери: «Мама, эта девочка - армянка. Давай будем держать это в секрете, сколько сможем».

Мать-турчанка приютила ребенка, сменила ее имя на Шафигу, что означает «сострадание». Эта женщина - турчанка знала, у кого дома есть армяне. Держа девочку за руку, она ходила с ней по этим домам, давала армянам еду, одежду - пока те не смогли уйти. А эта девочка так и осталась у них дома, они ее вырастили. Этот турок-военный был женат, имел детей. Шафиге уже было 14-15 лет, когда этот мужчина сказал своей матери: «Что мы будем делать с этой девушкой? Вместо того, чтобы отдать ее другому турку, давай я на ней женюсь. Это - девушка, которая выросла в нашем доме, жила с нами».

Дидар

Ну, по мусульманским обычаям можно иметь вторую жену, и они поженились.

Через некоторое время по Измиру распространились слухи о том, что этот человек, Масуд, живет с армянкой, что он на ней женат. И, чтобы у семьи не возникло проблем, они решили уехать в Алеппо. А первая семья осталась в Измире.

Их вторая дочь родилась в Алеппо в 1930 году. Ей было 2-3 года, когда скончался ее отец. Он работал в Алеппо учителем. Когда Масуд умер, Арусяк не знала, что делать. Она взяла детей и пошла в армянский детский дом. Там детей взяли в приют, а Арусяк приняли на работу в качестве экономки. Моя бабушка там тоже была экономкой, и так они подружились. Наша дружба началась оттуда. Арусяк полностью понимала армянский язык.

Эти девочки не были ни мусульманками, ни турчанками, они очень уважали свою мать, но не ходили ни в церковь, ни в мечеть. Всякий раз, когда мы приглашали их на наши торжества - свадьбы, крестины - они всегда приходили. Они так никогда не вышли замуж. Видно, имели какие-то психологические проблемы... ■

«Мой дедушка часто по ночам просыпался и плакал, вспоминая жестокую смерть брата»

Рассказывает Сусанна Манукян

В годы Геноцида мой дед Арменак Мкртчян вместе со своей семьей жил в селе Шерваншех. Он был образованным человеком, владел тремя иностранными языками - английским, турецким, курдским. Работал в сельской школе, где преподавал армянским детям родной язык и литературу.

Во время погромов 1915 года турки вторглись в село и, разделив мужчин, женщин и детей на группы, депортировали их по разным направлениям. Мой дед, прекрасно осознавая, что турки ведут армянских мужчин к порогу их смерти, решил, как он сам говорил, «вместо того, чтобы как овца идти на заклание», взять находившегося в тот момент в деревне больного тифом брата Князя Мкртчяна и бежать в соседнее село Симон - искать убежища в доме одного из своих турецких друзей, Османа-аги.

С большими трудностями им удалось добраться и укрыться в доме турецкого друга. Благодаря заботливому отношению Османа-аги и его семьи, брат дедушки вскоре поправился. Дед рассказывал, что турки часто наведывались в деревню и обыскивали дома турок, поскольку знали, что турецкие сельчане, будучи в хороших отношениях со своими армянскими знакомыми, часто пытались спрятать армян в своих домах, чтобы спасти их от Геноцида, устроенного против армянского народа.

Однажды, когда турки в очередной раз устроили облаву в доме Османа-аги, дедушка с братом спрятались в хлеве. Когда турки обнаружили их, Осман-ага встал перед входом, распростер руки и не позволил, чтобы моего деда и его брата забрали оттуда.

После того, как турки все же забрали Князя - брата моего деда, Осман-ага пошел за этой группой турок, которые везли около двенадцати армян на бойню, умоляя освободить Князя. Он даже решил применить средство, которое часто

Сусанна Манукян

помогало урегулировать вопросы с турецкими чиновниками - предложил им взятку. Но турки остались неприступны, угрожая, что в случае настойчивости Османа-агу постигнет та же участь.

Так, мой дед стал свидетелем того, как его брата и одиннадцать других армянских мужчин застрелили на реке Хнус. Помню, как дедушка часто просыпался по ночам и плакал. Когда мы спрашивали его, в чем причина его печали, он отвечал, что вспомнил жестокую смерть брата.

В годы Геноцида мой дед, кроме брата, потерял также родителей, которые во время депортации заразились тифом и умерли; потерял также свою восьмимесячную дочь, которая тоже не выдержала мук депортации и скончалась. К счастью, семья Османа-аги помогла моему дедушке бежать в Армению. Дед нашел свою жену - мою бабушку Сирануш Мкртчян. Они продолжили жить вместе. Мой дедушка, у которого было семеро детей, выполнил завет своей матери, которая говорила: «Сынок, садись за стол с семерыми детьми». ■

Семья Люси Ованнисян

Люся Ованнисян и Сона Чалгушян

«Мама, мама, вставай, мы ведь должны работать»: моя мать не верила, что бабушка больше никогда не проснеться

Рассказывает Сона Чалгушян

Моя бабушка Люся Ованнисян - после того, как ее муж Геворг Ованнисян отправился на войну - вместе со своей двухлетней дочкой, моей матерью Айканиш, а также пока еще неродившимся сыном, моим дядей Наполеоном, продолжали жить в доме своего отца в Адане.

Мой прадед владел большим имуществом и пользовался уважением своих турецких работников. Моя мама часто отмечала, что, если бы мой прадед прислушался к предупреждениям своих турецких работников о том, что правительство Турции готовило заговор против армян, возможно, все закончилось бы гораздо лучше.

Когда турки запланировали резню армян в Адане, они собрали всех прожи-

вающих в городе мальчиков-армян - независимо от их возраста, всех тех, кто мог нести оружие, и заперли их в одной конюшне. Мама помнит, как однажды ее дед обнял ее и сказал, что им разрешили навестить ее дядей в конюшне. После того, как они взяли сладости и навестили их, моя мама так никогда и не увидела братьев своей матери. На следующий день утром турки подожгли конюшню.

Однажды моя бабушка решила собрать группу армянских женщин и принять участие в строительных работах у турок по сооружению железной дороги - с целью заработать денег. После того, как правительство избавилось от большинства армянских мужчин, у женщин не осталось иного выбора, кроме как выполнять у турок тяжелейшую работу, например, разрезать камни.

Когда бабушка по работе вынужденно уехала далеко от своего дома в Адане, она решила забрать с собой и детей. Но однажды, подумав, что муж может вернуться с войны и начать их искать, она решила вернуться. Ее рабочая группа, состоящая только из женщин и детей, доверившись моей бабушке и не желая разлучиться с ней, тоже решила возвратиться. Кстати, в этой рабочей группе были и мальчики, чьи волосы женщины не подстригали, опасаясь, что турки их тоже убьют.

На обратном пути на них напала свора турок и убила всех. Моя мама помнит, как один из турок приставил пистолет к сердцу ее брата и попытался выстрелить. К счастью, оружие не выстрелило, и ребенку удалось сбежать. Моей матери, которой в то время было шесть лет, тоже чудом удалось спастись - она легла рядом со своей мертвой матерью и не двигалась. Когда турки ушли, она стала звать свою мать: «Мама, мама, вставай, мы ведь должны работать». Мама не верила, что моя бабушка Люся больше никогда не проснеться.

К счастью, в это время там проходила группа армянских добровольцев, в которой был и двоюродный брат моей матери, сын брата ее отца - Давид Туджарян. Они похоронили всех мертвых, а всех выживших детей забрали с собой.

Дядя Давид, прекрасно понимая, что держать детей рядом с собой небезопасно, доверил их своему другу-турку, который кровью поклялся спасти детей от преступников и сдал их в детский приют. Мама рассказывала, что турецкий друг дяди Давида очень хорошо к ним относился - сам не ел, отдавал хлеб им. Ему удалось переправить детей через границу и передать их французам, которые забрали детей в приют.

Так моей маме и моему дяде чудом удалось спастись от Геноцида... ■

Маргарита
Мкртчян

«Турки помогли семье моего прадеда добраться до границ Восточной Армении»

Рассказывает Маргарита Мкртчян

Я, Мкртчян Маргарита, эту историю услышала от своей бабушки. Ее воспоминания о Геноциде основывались на рассказах ее матери Гюлизар и бабушки со стороны отца - Агавни.

Мать моей бабушки родилась в 1908 году в ванском селе Артамет. Их семья была достаточно большой и довольно богатой. Всю жизнь ее преследовала мысль: «Мы должны возвратиться в родную деревню и вернуть все, что принадлежало нам».

Наша прабабушка Гюлизар была одной из немногих переживших Геноцид, которая, чтобы облегчить свою боль, часто рассказывала о своей родной деревне и обо всем, что она там оставила. Она также рассказывала обо всех мучениях, которым подвергли ее родственников и друзей...

Бабушка моей бабушки - Агавни - всегда с особой болью вспоминала, как в годы резни, под предлогом спасения жизни армян деревни, в одном месте со-

брали 137 армян и сожгли их всех заживо... Никому не удалось спастись. После этого началась стихийная миграция армян, во время которой армянские семьи растеряли друг друга, а многие члены семьи пропали без вести.

Гюлизар также потеряла свою семью, но сама, к счастью, сумела перейти границу Восточной Армении. Здесь она оказалась в американском детдоме Эчмиадзина и стала расспрашивать о своих родственниках. Ей удалось выяснить, что ее брат по имени Афон находился в том же приюте, но, когда она попыталась его найти, оказалось, что американцы уже переправили детей за границу. Она так больше ничего и не узнала о своем брате.

Одной из сотрудниц детского дома была сестра Татула Алтуняна¹¹ - Шушаник, которая относилась к Гюлизар с симпатией. Несколько лет спустя именно она посоветовала отцу моей бабушки - семье моего прадеда - выбрать Гюлизар в качестве невесты. Семья моего прадеда, отца бабушки, была депортирована из той же ванской деревни Артамет.

Бабушка рассказывала, что, в отличие от Гюлизар, они старались не вспоминать ужасы Геноцида. Однако иногда, говоря о годах резни, они вспоминали случаи, когда какие-то турки и курды помогали армянам. Им тоже турки помогли перебраться в Восточную Армению. Турки помогли мужу Агавни довести до границы его семью и их золото, которое было спрятано в одеялах. Несмотря на то, что семье отца моей бабушки удалось благополучно добраться до Восточной Армении, дед бабушки - муж Агавни - не вынес потери родного дома, перенес сердечный удар и вскоре умер от горя.

Бабушка Агавни рассказала также об одном случае, когда с целью спасти от Геноцида армянскую девушку, один из соседей-турок спрятал ее в своем доме, переодел в турецкую одежду и держал у себя до тех пор, пока стало возможным переправить ее за границу, в Восточную Армению. Бабушка Агавни всегда рассказывала, как они были вынуждены покинуть родное село. В ее памяти запечателись яблоневые сады Артамета и особый аромат этих яблок, которыми славилась деревня.

Бабушка Агавни была очень простой женщиной - она прожила 127 лет. Всю свою жизнь она мечтала вернуться в родную деревню. Однажды она даже сказала одному из своих родственников: «Сколько красных денег мне отдать, чтоб меня отвезли в мою деревню и чтоб я смогла вернуть мои сухофрукты?..» ■

¹¹ Татул Алтунян - армянский дирижёр, музыкoved-фольклорист, педагог, народный артист СССР

Давид Аветисян

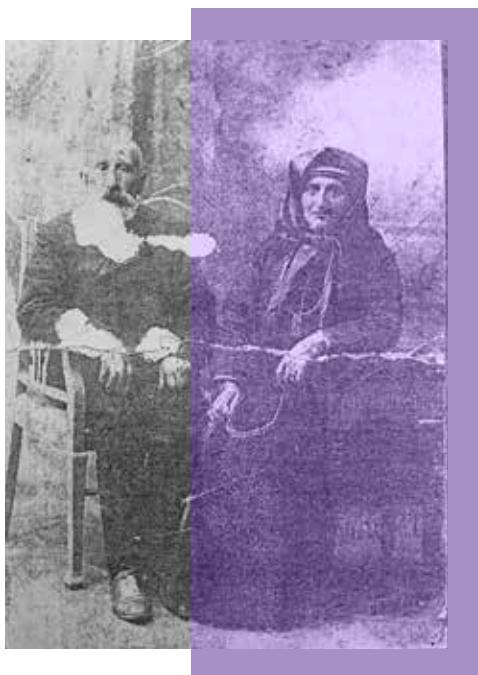
«В один день семья моего прадеда потеряла все...»

Рассказывает Давид Аветисян

Эту историю рассказала моя бабушка Тереза Налбандян - о своем дедушке. Когда она рассказывала, я внимательно слушал ее и меня охватывала грусть. Сейчас, когда я рассказываю сам, по моему телу проходит дрожь - как будто я сам там был и собственными глазами видел бедствие под названием Геноцид.

Дед моей бабушки, Мартирос Абаджян, был из интеллигентной семьи. Он родился и вырос в Карсе. Мартирос был женат и имел шестерых детей. В Карсе мой прадед был редактором газеты «Мшак». Он был жизнерадостным и очень добрым человеком. Все его любили.

Был 1915 год... По соседству с прадедом жила одна турчанка - Гюлизар, которая была сестрой турецкого паши. Однажды, случайно услышав разговор брата о том, что ночью будут убивать армян, Гюлизар поспешила предупредить об этом семью Абаджян, которую она очень уважала. Мой прадед, в свою очередь, предупредил кого мог, и, осознав, что не сможет защитить свою семью от турок, предложил своим родным бежать. Они были очень богаты и имели много золота, которое хранили в кувшинах в стенах дома, но желание спастись и выжить

было намного больше. Не теряя времени, дедушка Мартирос оставил все, забрал семью и родных и пустился в путь.

На пути бегства перед ними открылась ужасная картина. На улицах лежали трупы взрослых и детей. Они в страхе шли вперед, не зная, что их там ожидает. В то время мать и отец моей бабушки были уже женаты, и уже родились старшая сестра бабушки и ее брат. Во время бегства прабабушка привязала детей веревкой друг к другу, чтоб они не потерялись. Но по дороге, в этом хаосе, оба ребенка потерялись, и их так и не смогли отыскать. Только спустя годы удалось узнать, что какие-то американцы забрали их, а потом переправили в Америку.

В конце концов, после нескольких часов пути, они оказались в окружении турок. Дедушка Мартирос и его семья не знали, что делать. Если направо пойти - утонули бы в реке, налево пойти - попали бы под мечи турок. Не зная, что делать, дед Мартирос в панике встал на колени и стал умолять турок взять все, что у них есть, лишь бы они не тронули детей. Турецкие солдаты ответили: «Нет, вы все умрете». В тот момент, когда турок поднял свой меч, чтоб обезглавить Мартироса, непонятно откуда появилась их соседка - Гюлизар, которая, возможно,

Оборотная сторона фотографии Абаджяна с турецкими печатями

понимая, что Абаджяны не смогут спастись, поспешила им на помощь. Она встала перед турецкими солдатами, сняла с головы платок и бросила его на землю перед ними. Турки знали ее. Гюлизар приказала солдатам не трогать этих людей и дать им возможность уйти. Турецкие солдаты опустили мечи, и дедушка Мартiros с его родственниками ушли. Именно благодаря этой турчанке династия Мартirosа Абаджяна спаслась от турецкого меча. Они были в пути четыре дня и четыре ночи и приехали в Грузию. Через некоторое время переехали в Армению и поселились в Гюмри. Из рода Абаджян турки убили только отца дедушки Мартirosа, когда тот работал в поле.

Это и есть моя история, рассказывая которую, я как будто перенес тот ужас, который семья Абаджян пережила в те годы. У них было все, и они все потеряли в один день - дом, имущество, друзей и родственников. Ужасно, когда ты даже думаешь об этом... ■

«Во время резни убили двух братьев и родителей моего дедушки»

Рассказывает Лусине Мардеян

Мой дедушка, Мухан Хачатурович Мардеян, родился в 1902 году.

В 1915 году он жил в селе Хэнчахчаг в Карсе. Во время резни турки убили двух его братьев и родителей, а старшему брату - Агаси - удалось покинуть деревню и дойти до Армении. Так, оставшиеся в результате резни в живых члены семьи разбрелись, найдя убежище в разных местах.

Мой дед, потеряв связь с членами своей семьи, был вынужден остаться пастухом в доме турецкого паши Бирдана-аги, с семьей которого они раньше были близки. Бирдан-ага, считая моего дедушку хорошим пастухом, убедил его остаться у них, сказав, что его семья - в отличие от турецкого правительства - не имеет ничего против армян, и пообещал не причинять ему вреда. Так он приютил моего деда у себя дома - как турка, не выдавая его армянское происхождение.

В отличие от отца, сыновья Бирдана-аги, узнав, что мой дедушка - армянин, не захотели, чтобы он оставался и жил с ними. Они стали плести интриги против деда - крали ягнят, убивали их и сваливали все на дедушку. Относились к нему как к врагу. Дед часто становился свидетелем того, как они хвастались перед отцом тем, что убили какого-то армянина или причинили вред какой-либо армянской семье.

Прожив десять лет в доме Бирдана-аги, однажды дед случайно услышал разговор, во время которого семья обсуждала возможность обезглавить его за то, что он, якобы, злоупотребил их доверием и украл ягнят. Услышав этот разговор, дедушка растерялся, не зная, что предпринять. В это время мать Бирдана-аги, добрая и сердечная женщина, посоветовала ему бежать, показав дорогу, которая вела в Армению.

Лусине Мардеян

Не видя другого выхода, дед решил бежать. По дороге дедушка встретил группу молодых турок, сидящих вокруг костра, которые, хотя и поняли, что дедушка - армянин, но не причинили ему вреда, а наоборот, помогли ему и проводили в сторону Армении.

К сожалению, путь моего деда не обошелся без трудностей. На полпути он заметил всадников, спешащих за ним. К счастью, ему удалось спрятаться в пещере и переждать там несколько дней. Мать Бирдана-аги оказалась настолько великодушной, что она не только помогла моему дедушке бежать, но и, зная, что ему предстоит долгий путь, положила с ним еду. Благодаря этому дед и сумел несколько дней прожить в пещере. Турки, не найдя деда, подумали, что ему удалось пересечь границу и бежать в Армению. Дедушка потом приехал в Армению, нашел своего старшего брата, который поселился в деревне Баджогли (ныне Айкаван) в провинции Ширак, и таким образом спасся. ■

«Двух братьев моего деда призвали в турецкую армию, и больше о них никто ничего не слышал»

Рассказывает Аветис Хачатрян

Я - Аветис Сарифекович Хачатрян. Меня называли в честь моего деда, которого звали Аве (скорее всего, сокращенная версия имени Аветис).

Фамилия нашего рода была Жамхарян, родом мы из города Баязет Западной Армении. Семья моей бабушки Мариам тоже была из Баязета, их фамилия Унанян.

Мой дедушка Аве родился в 1901 году. Семья моего деда в основном занималась земледелием и скотоводством. Отец деда, Хачатур, после смерти первой жены женился во второй раз - на Махмур, матери моего деда. Свою фамилию мой отец записал с имени деда - Хачатрян. У Хачатура было 7 детей: Аршак, Арташес, Саргис, Арсен, Ваан, Аве и единственная дочь Маргарит. Мой дед был самым младшим сыном в семье.

Семья моей бабушки, Унаняны, были кожевниками¹², которые в Восточной Армении продолжали заниматься своим ремеслом. Моя бабушка Мариам родилась в 1909 году. По рассказам бабушки, они жили недалеко от ворот Баязетской крепости. Она всегда говорила: «Даже если сейчас поеду туда, смогу найти место, где был наш дом».

У них сложились хорошие взаимоотношения с местными турецкими чиновниками. Они были законопослушными гражданами, платили налоги. Дед торговал с курдами.

Ситуация в Баязете была относительно спокойной, но постепенно стали распространяться новости об армянских погромах в разных регионах страны. В этот период один из турецких чиновников подошел к отцу моего деда и, сказав

¹² Кожевник - человек, профессионально занимающийся выделкой или продажей кож

Мариам Унанян вместе с родственниками

«Будет беда», посоветовал ему уехать. Он также сообщил, что брата моего дедушки - Аршака - который был старшим из братьев и самым физически сильным, собирались призвать в армию. В то время отец моего деда был уже достаточно стар. Он сказал, что Аршак - как старший - содержит семью, а остальные дети маленькие, и если того заберут, остальные просто умрут. Чиновник предложил вместо Аршака отправить в армию двух других братьев - Арсена и Ваана, которые были подростками. Рассказывают, что они были очень красивыми парнями и обладали сильными голосами. Чиновник заверял, что это - единственный выход. После долгого замешательства семья согласилась - Арсена и Ваана призвали в армию, и больше о них никто ничего не слышал.

Один из братьев моего дедушки - Арташес - был фидаином¹³ и в составе различных отрядов самообороны сражался против погромщиков. Он тоже бесследно пропал.

Отец моего деда, Хачатур, умер своей естественной смертью в городе Баязет. После всего случившегося, с учетом предупреждения турецкого чиновника, у армян оставался один выход - переселиться в Восточную Армению.

Из семьи Жамхарян границу пересекли мать моего деда, мой дед Аве, его

¹³ **Армянские фидаи** - участники вооруженной борьбы армянского народа против турецких поработителей в Западной Армении, Киликии и Османской империи в конце XIX-начале XX вв.

1915

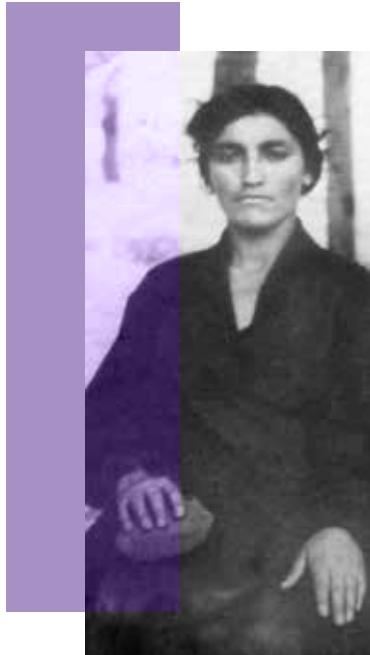

Семья Хачатрян

братья Аршак, Саргис, сестра Маргарит, а также их дядя (брат отца) Наво, который был слепым. Они привезли с собой свое имущество, скотину. Привезли даже медные котлы, которые до сих пор сохранились. Семьи моего деда и бабушки, перейдя Аракс, временно поселились в разных регионах Армении. Бабушка говорила, что они искали такое место, которое «по климату было бы похоже на климат их родного города». Были в Апаране, Бжни, Меградзоре, Нор Баязете. Наконец поселились в Цахкадзоре.

В то время было принятоходить свататься только к семьям знакомых. Семья моего деда хорошо знала эмигрировавшую из Баязета семью Унанян. Поэтому братья моего деда Аве попросили руки моей бабушки для своего брата. Они пожениились в 1929 году. У них было четверо детей - мой отец Сарибек Хачатрян, его братья Володя Хачатрян и Агван Жамхарян, и сестра отца - Лида Хачатрян.

Дед Аве погиб во время Второй мировой войны. ■

Рипсиме Хангельян

«Бабушка вскоре узнала, что в ее отчим доме всех убили»

Рассказывает Марта Симонян

Родительская семья моей бабушки Рипсиме Геворговны Хангельян была довольно богатой. Они жили в нахиджеванском селе Шарур. Ее отец, Геворг Хангельян, был старостой 12 деревень, под его ведомством находилось большое количество лесов и земель. У них был очень близкий друг - турок, который до резни пришел предупредить их, что турки готовятся к нападению. Он предложил семье Хангельян помочь бежать в Армению. Но Геворг отказался, сказав, что сначала он должен помочь бежать всем армянам, и лишь после этого переселить свою семью. В то время моя 13-летняя бабушка уже была замужем за Ашотом Меликом-Аракеляном, наследником богатой семьи из той же деревни. Он владел большими обувными заводами и занимался торговлей - часто вывозил товар продавать за рубежом. В те дни он со своим слугой находился в Соединенных Штатах. У моей бабушки тогда уже родилась дочь, старшая сестра

Марта Симонян – в объятиях Ринсими Хангельян

моей матери, которая в то время была еще новорожденной.

Вскоре она узнала, что в ее отцовском доме всех убили. Бабушка рассказывала, что ее отца постигла жестокая смерть - его голову положили под жернова мельницы, а двух братьев бабушки привязали к хвостам лошадей и затащили их до смерти. В то время бабушка потеряла и сестру, которая, видимо, во время резни каким-то образом сумела сбежать, после чего они потеряли связь друг с другом. Обо всем этом бабушка узнала после того, как тот же турок, который был близок с ее отцом, пришел в дом бабушки и предупредил, что этой ночью турки придут к ним домой. Он помог бабушке ночью тайком пересечь границу и перейти в Армению. Бабушка едва успела завернуть свою новорожденную дочь в ковер, забрала в коробочке какую-то часть своих золотых украшений, какие-то вещи и убежала (эта коробочка дошла до нас, мы ее по сей день храним). Бабушка говорила также, что часть их богатства и золота она в кувшине бросила в ближайший колодец, думая, что они, возможно, вернутся туда и заберут его. Так моей бабушке удалось сбежать, она приехала в Ереван. Недалеко от площади тогда были собственные дома, в которых за аренду жила бабушка, по частям продавая золото, которое привезла с собой. За определенную сумму денег она стирала белье, чтобы содержать себя и своего ребенка.

Рипсиме Хангельдян со своей семьей

Муж моей бабушки, находившийся в Соединенных Штатах, узнав о том, что всех армян убили, и, вероятно, считая, что его семью тоже вырезали, решил остаться в США. Одним словом, бабушка потеряла связь с ним. Много лет спустя, обратившись к каким-то спецслужбам, бабушка выяснила, что он действительно, узнав о том, что произошло, не вернулся, остался в Соединенных Штатах и умер там в 1960-ых годах.

Из семьи моей бабушки мы сумели найти только ее сестру. Через годы после Геноцида мой отец поехал в Тифлис и в доме знакомого своего друга встретил сестру бабушки, которую мы считали пропавшей без вести и которая, фактически, бежала и обосновалась в Грузии.

В Ереване моя бабушка вышла замуж за Ашота Бекназаряна, который жил с ней в том же дворе, родила дочерей-близнецов, одна из которых - моя мама. Мой дед, Ашот Бекназарян, был выпускником Геворкяновской семинарии Эчмиадзина, он был очень образованным человеком и работал в редакции. Он был вдовцом, у него было двое детей, которых потом вырастила моя бабушка.

Помню, годы спустя бабушке выписали какой-то пропуск, и ей удалось даже поехать в свою деревню. Она хотела посмотреть, в каком состоянии их дом,

1915

надеялась также найти кувшин с золотом, который она там спрятала. Однако увидев, что и колодец, и все что его окружает, сравняли с землей, бабушка вернулась с глубоким чувством горечи. ■

«Воспоминания мои разматываются как клубок ниток...»

Рассказывает Наира Мкртчян

История Вероники Гаспаровны Берберян (1907-1999)

Я расскажу историю Вероники Гаспаровны Берберян, моей бабушки по отцовской линии. Ее семье удалось бежать сначала в Нахиджеван, а затем - переехать в Ереван. Я слушала ее истории с малых лет. Она говорила: «Когда вы задаете мне вопросы, мои воспоминания разматываются как клубок ниток».

Моя бабушка Верон подробно рассказывала о том, какой была их семья, как они жили в современной Турции, в Богазляне. Бабушка Верон также рассказывала, как убивали армян во время резни, как они у себя дома укрывали около 40 человек, поскольку жандармы не имели права трогать их семью - по приказу тысячи¹⁴ их города.

Моя бабушка рассказывала свою историю и истории своих родственников и соседей всем желающим. Рассказывала она во всех деталях - на сладком западно-армянском¹⁵ языке.

История обычно звучала так: «Наша семья жила в городе Богазлян Йозгатской провинции Анатолии. Наш район назывался Килисемагал, то есть церковный двор. Мой дед, священник Акоп, был старшим священником Церкви Пресвятой Богородицы. У отца было два брата - Арутюн (ему было 20 лет в 1915 году) и Хачер (ему было 15 лет).

Мы жили хорошо. Занимались земледелием. Когда мой отец служил в турецкой армии, моя бабушка, которая была женой священника, увидела сон, как будто мой отец принес в дом много черепов и костей и заполнил ими люклик¹⁶. Бабушка спрашивает: «Гаспар, почему ты принес это сюда?» Мой отец отвечает:

¹⁴ Тысячник, тысяцкий - глава или начальник тысячи, в Персии и Турции начальник отряда из тысячи человек

¹⁵ Западно-армянский - одна из двух современных разновидностей армянского языка, имеющая литературную форму - «Ашхарабар»

¹⁶ Люклик - ниша, где лежали постельные принадлежности - матрасы, одеяла

Вероника Берберян

«Однажды построят музей, все это будет выставлено там, чтобы весь мир увидел».

И после этого сна началось... Мужчин всех забрали - из домов, полей, магазинов - якобы на войну, все должны в армию. Потом пришли и забрали из всех домов сколько было оружия, ножей - все забрали и увезли...

И вдруг мой дядя - школьник, задыхаясь, ворвался в дом и начал биться головой об стену: «Они сэкономили пули на 20 гурушей¹⁷ - убивали всех топором». Дядю спрятали. 50 дней искали мужчин, чтобы зарезать их. Мы вырыли яму из сарая во двор, чтобы дядя прятался там в течение дня. Ночью мы открывали ее, чтоб он мог подышать свежим воздухом.

После этого, в марте 1916 года, каймакам¹⁸ приказал: «Ни один килограмм армянского мяса не должен выжить, мы должны зарезать всех армян».

¹⁷ Гуруш - мелкие турецкие деньги

¹⁸ Каймакам - губернатор провинции

Из стены нашего дома мы достали большой камень, и мой дядя, Арутюн Берберян, заполз в эту щель и прятался там. Кто бы ни приходил из жандармов, не мог найти его.

Моя бабушка - жена священника, прятавшая дядю Арутюна, как-то пошла к тысяцкому - Селами-беку, который был женат на армянке, нашей знакомой. Она говорит тысяцкому: «Селами-бек, Арутюн дома. Что с ним будет?». Селами-бек оторвал пуговицу со своего мундира и говорит: «Когда я пошлю эту пуговицу с жандармом, пусть Арутюн выйдет и придет». Утром пришел жандарм, громко-громко постучался в дверь и сказал: «Пусть Арутюн со своими инструментами парикмахера придет к каймакаму». Арутюн, мой дядя, собрал свои инструменты парикмахера и вышел с жандармами. В этот момент каймакама брил какой-то турок - цирюльник. Как только тот провел по лицу каймакама бритвой, лицо последнего покрылось кровью. Селами-бек говорит: «Пусть Арутюн побреет». Мой дядя достал свои инструменты и как следует побрил каймакама. После этого он вышел оттуда, чтобы пойти домой, и увидел, как турки отправляют в изгнание привязанных друг к другу армян - целыми семьями...

Каймакам приказал: «Пусть жандарм доставит Арутюна домой». Арутюн пришел домой. Ему было двадцать лет, а он выглядел уже на все восемьдесят. Дядя Арутюн увидел, что спасения нет. «Я никогда не поверю туркам», - сказал он. Взял маковое масло, смешал с синим медным камнем и сказал: «Я это дам выпить моей жене, а потом и сам выпью. А вы поступайте как хотите!»

Дядя отдал яд жене, она его выпила. Ровно через три минуты пришло известие о том, что семью помиловали. Двадцать пять человек из окружения моего дяди тоже были спасены. А он сразу же смешал 15 яичных желтков и дал жене выпить. Ее вырвало, она спаслась.

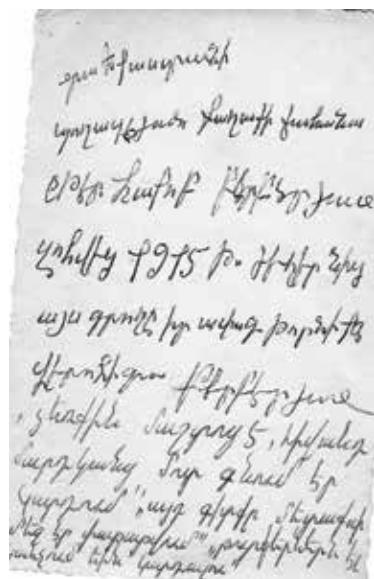
Наш род был очень большой. Многие из нашей семьи служили турецкому правительству, были чиновниками. Например, мой отец был переводчиком, а его старший брат, Карапет-ага, был адвокатом.

...В 1918 году резня прекратилась. Турки заполонили дома армян. Однажды в нашу дверь постучались турчанки и попросили воды. Мать сказала мне: «Вероника, принеси воды!». Одна из этих турчанок в чадре подошла к моей маме и шепотом сказала: «Майрик¹⁹, вы армяне! Ради армян, спасите меня от них! Меня зовут Анник. Меня похитили». Мать ответила: «Сегодня ты иди отсюда, а я поговорю со своим зятем, посмотрим, что можно сделать». Вечером зять при-

---

¹⁹ Майрик - обращение к матери на армянском

1915

Рукописная надпись на обороте фотографии священника Акопа

Священник Акоп

шел домой и мама все ему рассказала. Зять сказал: «Давайте отправим ребенка, пусть приведет Анник». Отправили за ней десятилетнего Акопика. Тот пошел и привел Анник. Турки увидели - нету Анник. Пришли, заполонили наш дом и говорят: «Отдайте нашу девочку». Моя бабушка громко позвала на помощь. Мимо дома проходил жандарм. Он зашел, а бабушка сказала: «Эти турки пришли, ищут какую-то девушку. Мы не в курсе». Жандарм выдворил этих турчанок из нашего дома, а Анник осталась у нас. Спаслась. Мы отвели Анник в приют, откуда сирот доставляли в Бейрут. Одним словом, Анник осталась армянкой.

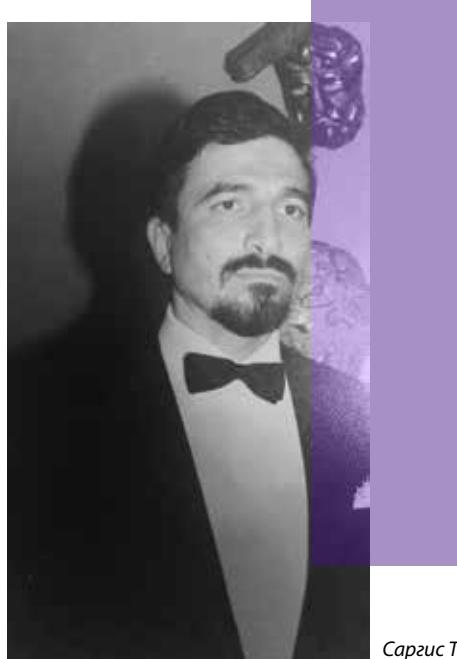
Помню: был третий день резни, и мама, в чадре турчанки, с моей четырехлетней сестрой пошла в дом к своей матери. Мать и дочь сидят - советуются, и в это время на улице слышны крики и ругань, скрип повозок. Всех депортируют. Мама говорит: «Я тут не живу». Жандарм отвечает: «Иди к себе домой со стороны этого рынка». Мать моя запуталась и по дороге потеряла четырехлетнюю сестру. Каким-то образом она дошла до дома. И вдруг видим - младшая сестра пришла: она одна нашла наш дом. Обрадовались, мы нашли друг друга! Но мама рас-

сказала, что бабушку увезли на повозке. Я выбежала и с трудом добежала к бабушке: увидела - двери открыты, внутри - пусто. Моя бабушка Марьям останется одна в изгнании... Оказывается, жандармы приходили и убивали всех.

Была там одна Анна из Сардалая. Она спряталась под трупами и почти не дышала. После того, как жандармы ушли, Анна медленно выползла оттуда и ползком подошла к нашей деревне - вся опухшая, обнаженная. Платка даже не оставили одного, чтоб она могла срам свой прикрыть. Мальчишки-турки увидели ее, говорят: «О, дьявол идет!», и стали убегать в страхе. Анна пришла к себе домой. Смотрит - дверь открыта. Своего единственного четырнадцатилетнего сына она отдала соседнему турку. Она пошла к нему. Турок этот забил у себя дома овцу, снял с нее шкуру, завернул в нее Анну и вылечил ее раны.

После перемирия в 1924 году, когда Кемаль Ататюрк стал главой правительства, армяне запротестовали: «Турки нанесли нам большой урон, они зарезали наших родных». Затем был судебный процесс - многие турецкие высокопоставленные лица были наказаны... Одну молодую армянку держали в доме турка. Этот турок и его жена держали ее у себя, чтобы выдать замуж за своего сына. Но эта армянская девушка была влюблена в моего дядю Хачера. Однажды она послала весточку о том, что хотела бы выйти замуж за Хачера. Армяне передали послание, в котором, якобы, дядя этой девушки вызывал ее из далекой страны. Эта девушка убежала из дома турка и пришла к нам домой. Турок, у которого эта девушка жила, и он берег ее для своего сына, сказал: «Я вытирал ей нос, как же она нас предала?!». Сын их, окончив офицерскую школу, пришел к нам домой. Просил, умолял. Дядя мой подумал, что нас ждет беда - они снова уведут девушку. Он сказал кучеру Ефрему: «Ночью хорошо накорми лошадей, отвезешь нашу невестку в Кесарию». Мы накинули чадру на голову девушки и отправили ее в Кесарию. Но этот турок-офицер сообщил властям, сказав: «Найдите мою невесту - армянку!»... Была одна армянка - жена турецкого сотника. Она пошла, попросила за нее, сказав, что эта армянка уже замужем за армянином, теперь беременна и скоро должна родить. Так эти турки ополчились против нас. Пришел турок и сказал: «У вас всего два часа, вы должны покинуть свой дом». Мы были вынуждены уехать из нашего дома. Пошли в дом одного турка, который был в хороших отношениях с нами. Он приютил нас, дал нам хлеба. В 1924 году мы переехали в Полис. Год мы оставались в лагере беженцев. Пришел корабль из России, привез нас, семь человек, в Батуми. С нами не было ни одного мужчины. Когда мы прибыли в Батуми, там царила бедность. Мой дядя, отец брата, пришел нас встречать. Мы сели в поезд, который работал на мазуте. Нас высадили на станции Даваллу: под палатками раздавали хлеб. Дядя отвез нас в Нахиджеван, к моему отцу. Мы прожили вместе полтора года, потом мой отец скончался. Затем мы приехали в Ереван». ■

1915

Саркис Торосян

«Об ожидаемой резне семью моего отца предупредил их турецкий друг»

Рассказывает Саркис Торосян

Оба моих родителя спаслись от Геноцида. Моему отцу было 8 или 9 лет, когда, избежав резни, ему вместе с семьей удалось бежать в Грецию, а моей матери тогда был только годик.

Отец с семьей сначала переехал в Грецию, а затем, в 1927 году, в Армению. В то время отцу моему было 14 лет. Его фамилия изначально была «Сулян». Уже при получении паспорта мой отец попросил сменить фамилию и взял в качестве своей фамилии имя деда своего деда - Торосян. Он не любил фамилию «Сулян» - она происходила от турецкого слова «вода».

До резни семьи моих родителей жили в городе Биледжик - недалеко от Константинополя. Семья моей мамы, Мутафяны, жила в том же городе, на той же улице. Мои деды были друзьями. Они бежали от резни и оказались на одном

и том же корабле. Семьи моих родителей смогли спастись во время Геноцида 1915 года. Они покинули свои родные дома, но остались в стране, а через некоторое время вновь вернулись в родной Биледжик.

Во время второй волны резни один турок - друг моего деда по отцовской линии - предупредил его, что на следующий день вновь будет бойня, и нужно как можно скорее бежать из страны. Мой отец не рассказывал и я не знаю, кем был этот «турецкий друг» моего деда - сосед, коллега, или просто близкий друг? Известно лишь, что как только мой дедушка получил это известие, он сразу же вызвал карету, посадил в нее моего отца и заплатил извозчику, чтобы тот его отвез в порт. Дедушка вместе с бабушкой должны были присоединиться к отцу позднее. Как только карета двинулась, мой дедушка Саргис побежал за ней и, крикнув сыну «Торгом, держи!», бросил в его сторону сверток. Всю дорогу отец крепко обнимал этот сверток, не зная, что в нем. После того, как он вышел из кареты, с удивлением обнаружил, что в свертке была его годовалая сестра.

Моей тети уже нет в живых, но она часто повторяла: «Если бы не мой брат, Бог знает, что бы случилось со мной»... В то время моему отцу было 8-9 лет...

Он рассказывал, что они заплатили капитану золотом, чтобы тот доставил их в Грецию, в Салоники. Но в Турции уже началась «охота на армян», и армянских мужчин забирали даже с кораблей.

Так в плен попали отец и брат моей матери, а мой дедушка Саргис проявил находчивость и сумел избежать плена.

Но, перед тем, как попасть в Грецию, произошел еще один случай. Капитан-турок попытался изменить курс судна, чтобы вернуть армян на турецкое побережье. Отец рассказывал, что в то время поднялась большая волна, и повернуть корабль стало невозможным. Тогда капитан сказал: «Во всяком случае, у вас есть Бог»... Мой отец всегда помнил эти слова.

С Божьей помощью корабль достиг Греции. Семья моей матери обосновалась в Сере. Моему деду и дяде по материнской линии к тому времени удалось выбраться из плена и присоединиться к своей семье, где они прожили до 1947 года, а затем переехали в Армению.

Семья моего отца приехала в Армению раньше - в 1927 году. Мои родители встретились уже в Ереване, здесь же и поженились... ■

Элеонора Язычян

«Брата моего дедушки зарезали во время резни прямо перед их домом»

Рассказывает Элеонора Язычян

Семья моей матери родом из Вана. Мой дедушка родился в 1850-60-ых годах. К сожалению, я не помню точной даты его рождения. Семья моего дедушки - Меликяны - была весьма уважаемой. Отец моего деда был сельским старостой. Их село раскинулось в той части острова Ктуц²⁰, которое вело к озеру Ван (в то время Ктуц был полуостровом). Брат моего деда был членом Меджлиса, у него был свой собственный корабль, который позже он отдал моему дедушке. Потом, благодаря именно этому кораблю, семья моего деда спасла жизнь многим армянам.

²⁰ Ктуц - на армянском «клюв»

Дед мой был соратником Ахпюра Сероба²¹. Моя бабушка также принимала участие в самообороне села. Наши родственники рассказывали много историй о ее героизме. Они вспоминали, что однажды, когда мужчины были в горах, а в деревне были только женщины, курды напали на село.

Моя бабушка без колебаний надела мужскую одежду, оседлала лошадь, взяла ружье и стала их преследовать. Нападающие в страхе оставили свои трофеи и сбежали. Шейх курдов, услышав эту историю, пришел к отцу моего деда, Мелику, чтобы узнать, кто был тем смельчаком, что осмелился напугать его ребят.

Мой прадедушка попросил чаю. Бабушка подала чай и встала у двери, чтобы потом убрать чашки. Выпив чай, шейх снова потребовал показать «того, кто так напугал его героев». Прадед ответил: «Уже 15 минут этот смельчак стоит перед тобой». Сбитый с толку и ошеломленный, курдский шейх покинул дом прадеда.

Моя тетя рассказывала потом, что в Ване все сражались как моя бабушка. Все умели сражаться - и женщины, и дети.

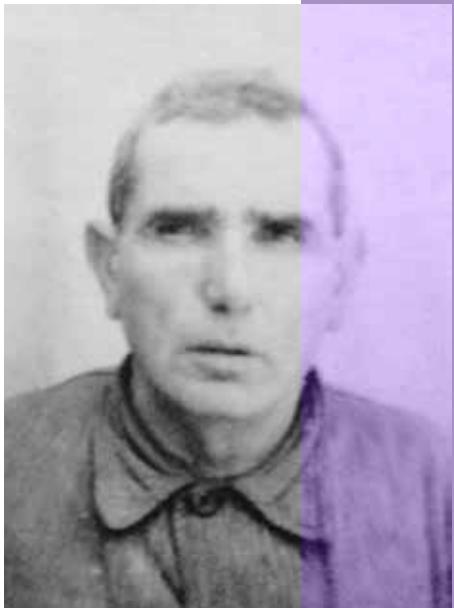
Брата моего отца, который был членом Меджлиса, во время резни зарезали перед его домом. Наши не смогли спасти и двух дочерей сестры моего деда. Их похитили, несмотря на то, что армянские женщины смазывали лица грязью, чтобы выглядеть уродливо и не попасть в плен.

К счастью, спаслись двое братьев и сестра этих похищенных девушек. Во время резни они вбежали в дом турок - соседей, которые спрятали детей под матрасами и одеялами. Всадники вломились в их дом, подозревая, мечами стали протыкать постель - матрасы и одеяла, но, к счастью, мечи не достигли детей. После того, как погромщики ушли, мой дедушка собрал всех и на корабле перевели их на русские территории. ■

---

²¹ Ахпюр Сероб - Сероб Варданян, известен также как Сероб Паша, наиболее видный представитель армянского фидайнского движения 1890-ых годов

1915

Сено Вахрадян

«Знакомый турок предупредил моего отца и деда, что церковь скоро подожгут»

Рассказывает Дарико Мелконян

Когда в 2000 году я поехала в Карс и с Карской крепости посмотрела по сторонам, перед моими глазами встали вереницы беженцев... С этого дня я плачу. Я поняла, через какие страдания и невзгоды прошли мои родители...

Моя мать была одной из свидетельниц Геноцида, но она так мало рассказывала о том, что видела и пережила, что я - до того, как побывать в Карсе - очень многое не могла представить... Родом она была из Саригемиша. Во время Геноцида, как и многие армянские дети, она оказалась в американском приюте. Дядя моей мамы был переводчиком, и именно он нашел мою мать. Прочитав в списке детей фамилию и имя «Торосян Тиран», он понял, что это - дочь его сестры.

Мама стала жить у дяди, но ее сестру - Маргарит - к тому времени уже перевели в Соединенные Штаты. О братьях моей матери, к сожалению, никакой информации нет...

Мой отец - Вахрадян Сено - родился в 1907 году в селе Норабер, тогда она называлась Кялали, на ее территории сейчас построили водохранилище. Мой отец также стал свидетелем Геноцида. Турки напали на село и депортировали всех его жителей - без учета возраста и пола. Мой отец в то время был болен. Когда один из солдат захотел выстрелить в него, другой солдат сказал: «Не жалко пулю тратить, и без этого гяур умирает». Так мой папа остался жив. Он всегда с удивлением вспоминал, что всю деревню депортировали семь-восемь конвоиров - янычаров. Хотя армян было довольно много, они не защищались...

Мать моего отца пропала на пути депортации, о ней мы так и не нашли никакой информации. А моего отца и дедушку - вместе с выжившими армянами - закрыли в церкви. Тут один знакомый турок предупредил отца и деда, что церковь скоро подожгут. Они сбежали и спаслись... ■

Геворг Ованиսян

«Командиры на рассвете намеревались зарезать всех солдат-армян»

Рассказывает Сона Чалгушян

До начала русско-турецкой войны весь род моего деда по материнской линии проживал в Адане. Когда началась война, мой дедушка Геворг Ованисян оставил свою беременную жену Люсию, свою dochь (мою мать) Айкануш, а сам ушел на войну.

Моего дедушку в турецкую армию взяли в качестве разнорабочего солдата, которому не давали оружие; он мог служить, например, только на армейской кухне. Но поскольку дед мой был умелым солдатом и владел различными военными навыками, ему в качестве исключения решили дать оружие и взяли его на полноценную службу.

Однажды ночью, когда дедушка спал в воинской части, его разбудил солдат-турок, который спал рядом. Его звали Али. Он посоветовал деду и его другу - армянину бежать оттуда, поскольку турецкие командиры намеревались на-

рассвете зарезать всех солдат-армян. Турецкий друг моего дедушки сказал, что не может видеть, как их убивают или смолчать, когда ему дадут штык в руки и заставят сделать это.

Послушав турецкого товарища, дедушка разбудил сослуживца-армянина: они решили вместе бежать. Но, поскольку у моего деда там были и другие друзья-армяне, он попросил Али, чтобы тот предупредил и остальных. Али однако ответил, что не может сделать этого, потому что он заранее договаривался только о них двоих. Оказалось, что не только Али взял на себя миссию спасти армянских солдат - к нему присоединились и многие другие турецкие солдаты, которые предупредили об ожидаемом как можно больше своих армянских друзей.

Али удалось вывести моего деда и его друга из воинской части. Потом он сказал, что не может больше помочь им: ведь если турецкие командиры узнают, что он помогал армянам, они его тоже убьют. Так мой дедушка и его друг отправились в путь, не имея при себе ничего, кроме своего оружия.

Пройдя примерно 10-15 километров от воинской части, они вдруг заметили вдалеке приближающийся военный отряд. Дед с другом спрятались за камнем. Но солдаты их заметили. К счастью, оказалось, что это был один из отрядов Зо-

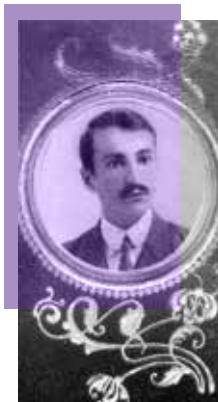
равара Андраника²².

Солдаты, не понимая, что перед ними - армяне, увидев у них оружие, приняли моего деда и его друга за турок и взяли их в плен. Однако допросив их, убедились, что они - армяне, и приняли их в свои ряды. После этого мой дед и его друг участвовали в некоторых боях - как добровольцы отрядов Андраника. После того, как Зоравар Андраник принял решение распустить свое войско, он перевел своих солдат в Восточную Армению и распустил их.

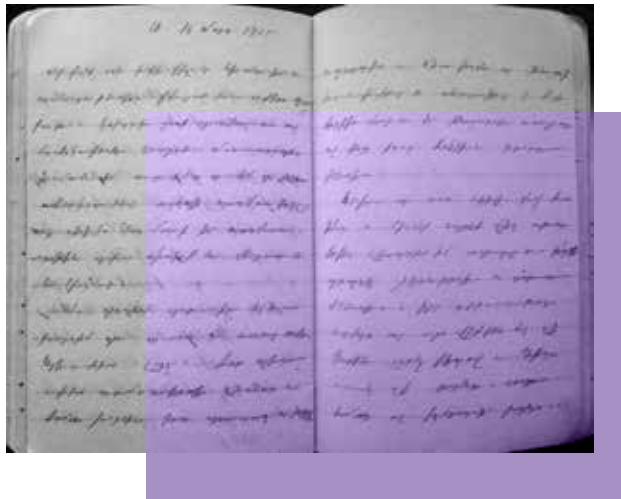
Таким образом мой дедушка переехал в Тбилиси. Потеряв связь со своей семьей, не надеясь, что сможет когда-либо их найти, мой дедушка в Грузии женился на другой армянке и остался жить там. Потом моей маме удалось найти отца, и они встретились в Армении. Я помню, что после этого дед поддерживал связь с семьей и часто приезжал к нам в гости. ■

---

²² **Андраник Озанян** - один из лидеров армянского национально-освободительного движения конца XIX-начала XX веков, национальный герой армянского народа

Арам Сафрастян

Страницы дневника Арама Сафрастяна

«В 1915 году мой дед поседел за один день...»

Рассказывает Рубен Сафрастян

Мой дедушка Арам Сафрастян - из Вана. С 1909 года он покинул Ван и преподавал в разных школах Западной Армении. Позже он переехал в Константинополь и поступил в Константинопольский университет. Одновременно он занимался общественной деятельностью, был автором ряда статей в периодических изданиях. Со студенческих лет стал издавать первый в Константинополе армянский педагогический журнал. Он также был членом АРФД²³.

В апреле 1915 года обучающиеся в Стамбульском университете студенты - армяне были арестованы. Их доставили в полицейский участок. Но один из преподавателей, Зеки Бей, смог освободить задержанных студентов-армян.

Помню, он говорил, что, помимо этого случая, была и попытка отравить сту-

²³ АРФД - Армянская Революционная Федерация «Дашнакцутюн», одна из старейших армянских политических партий

дентов-армян, обучающихся в Константинопольском университете. Это была первая группа армянских студентов, так как до 1911 года армянам не разрешалось учиться в Константинопольском университете.

Позже мой дед стал главой подпольно действующей ячейки АРФД в Константинополе. В 1919 году он переехал в Армению, стал членом парламента Первой Армянской Республики Армении и даже был секретарем парламента. Потом он стал заниматься наукой. Был тюркологом, опубликовал множество научных работ. В советский период был арестован и сослан.

Его брат Альберт Сафрастян и сестра Аракс Сафрастян принимали участие в самообороне Вана, а затем переехали в Армению. Родители их также переехали в Армению, но скончались во время эпидемии 1915 года.

Сохранились дневники Арама Сафрастяна. Одна тетрадь посвящена событиям 1913-1916 годов, и символично, что некоторые из страниц 1915 года написаны красными чернилами.

Я помню, рассказывали, что в апреле 1915 года, когда стали распространяться новости о массовых убийствах армян, мой дед в одночасье поседел.

Моя бабушка была родом из Трабзона, большинство ее родственников были убиты. В Трабзоне турки в основном вывозили армян в море и топили их.

Дед опубликовал научные труды относительно тяжелого положения армян в Турции. Фактически, Зеки Бэй спас человека, который опубликовал четырехтомник «Турецкие источники об Армении и армянах». ■

Айкануш Бзекян

Тайна золотых колодцев Токата

Рассказывает Нунэ Бекарян

Семья моего отца, как говорят в Армении, была семьей беженцев. В Восточную Армению они попали в 1924 году. До того они жили в Западной Армении. После погромовв Киликии они бежали в Себастию и обосновались там. Все эти истории я слышала от моей бабушки. Она стала свидетелем Геноцида в возрасте семи лет.

Семья моей бабушки пользовалась большим авторитетом в Себастии²⁴. У них дома были и в Себастии, и в Константинополе. Была также летняя дача в небольшом селе Токат, недалеко от Себастии. Дед моей бабушки по отцовской линии был известным человеком в церковной среде Себастии, звали его Тер Бзек, фамилия его была Бзекян. Как человек авторитетный, у него, естественно, было много турецких друзей. До кровавой резни весь их большой род был в Токате, когда один из высокопоставленных чиновников вилайета²⁵, как говорила моя бабушка - «второй человек» в вилайете - приехал в Токат навестить деда моей бабушки.

²⁴ Себастия - сейчас город Сиваз, Турция

²⁵ Вилайет - крупнейшая административно-территориальная единица 1-го уровня в Турции

Бабушка рассказывала, что взрослые тогда долго сидели и беседовали. Хозяева предложили турецкому чиновнику кофе и сладости, но он отказался. По словам бабушки, после разговора с турком дед ее вышел из комнаты хмурый, угрюмый. Он собрал всех членов своей семьи в большой комнате, принес в больших медных подносах - тенеке - все золото, что было в доме и сказал: «Пусть каждый возьмет с собой столько, сколько сможет».

Бабушка говорила: «Это было то, что нам не разрешалось делать раньше. Для всех нас там были также припасены большие золотые (сферические) серьги размером с инжир: эти серьги надели нам на уши». По словам бабушки, они слышали, как турецкий чиновник сказал: «Тер Бзек, ожидается резня, большая бойня. У тебя есть возможности, ты богатый человек, можешь собрать всю свою семью и бежать».

«Остальную часть золота дед бросил в колодец, собрал всех нас перед ним и сказал: пусть тот, кто спасется, придет к колодцу и найдет золото», - рассказывала бабушка.

По ее словам, в армянских домах Токата колодцы строили внутри домов, чтобы во время нападений не выходить из домов и брать воду оттуда. «Утром все мы уехали по домам: кто-то в Себастию, кто-то в Константинополь», - рассказывала бабушка.

Семья моей бабушки приехала в Константинополь, где ее отец работал военным чиновником. Бабушка рассказывала, что уже чувствовалась напряженность, ходили разные слухи... Взрослые собирались в комнатах, разговаривали и плакали, детей туда непускали. «Однажды один из турецких военных друзей моего отца тайком пришел к нам домой. Моя сестра Сатеник была на два года младше меня. В суете о нас забыли, и я подслушала разговор взрослых. Военный сказал, что это начнется здесь через неделю»... «Резня постепенно подбирается к нам, забери свою жену и беги. Вы все еще молоды, у вас будут свои дети. Кто не знает, что это не твои дети? Я сделаю все возможное, организую так, чтобы ты выбрался из Константинополя. Я не забыл то хорошее, что ты сделал для меня», - вспоминала бабушка слова турецкого военного. До этого разговора бабушка не знала, что они - дети от первого брака их матери, и фактически их отец - другой человек, которого они даже не знали. Очень впечатленная услышанным, бабушка решила сбежать из дома со своей сестрой.

«В конце улицы, где стоял наш дом, находился американский приют. Утром я оделась, взяла мою сестру и мы вместе пошли в детский дом. Через некоторое

Айкануш Бзекян с младшим сыном, невесткой и внучкой Розой

время нас нашли, отец был в ярости, но потом родители поняли, что лучший способ спасти нас - это отдать нас в детский приют. Раньше это никому не приходило в голову. В детском доме они узнали, в каком направлении нас увезут и пообещали непременно найти нас. Моя мать повесила на нас как можно больше золота и велела не жалеть его: менять на хлеб, на одежду, на все, что понадобится. Так нас на французских кораблях доставили из Константинополя в Салоники, где мы оставались до 1924 года. Помню: когда мы поднимались на корабль, турецкий солдат сорвал с уха моей сестры золотую серьгу и разорвал ей мочку. Ее кое-как перевязали и перенесли на корабль всю в крови.

Отец мой, как и обещал, нашел нас и до конца своей жизни растил нас как родных. Воспоминания о годах Геноцида никогда не покидали его», - рассказывала бабушка.

Бабушка прекрасно владела французским и турецким языками. В мыслях

1915

всегда была в Токате. Она говорила, что однажды обязательно поедет и найдет свой дом. Перед смертью ей даже удалось получить разрешение на поездку в Турцию, но она не смогла осуществить свою мечту. А мне всегда говорила, что может начертить план дома в Токате и указать место колодца, чтобы я могла найти их золото... ■

Сона Погосян

«Мою прабабушку силой заставили покинуть дом»

Рассказывает Сона Погосян

Мой прадед Хачик Партиев и прабабушка Агавни Сеисян в годы Геноцида жили в городе Эрзрум. Дед работал военным врачом в турецкой армии и пользовался большим уважением турецких солдат. Из-за работы ему часто приходилось в течение длительного времени отсутствовать из дома.

Когда турецкие власти начали массовую депортацию армян из Эрзрума, очередь дошла и до семьи моих старших родителей. Однажды, когда прадед опять по работе отсутствовал из дома, турки ворвались и заставили семью покинуть дом. Моя прабабушка в панике забрала свою единственную дочь и ушла, оставив там больную свекровь, которая, несмотря на принуждение турок и мольбу моей прабабушки, отказалась покидать свой дом, будучи не в силах вынести тя-

желую дорогу депортации. К сожалению, моему прадедушке впоследствии так и не удалось найти свою маму.

В этом хаосе моя прабабушка не смогла связаться с мужем и попросить его о помощи. Так, турки заставили мою прабабушку вместе с дочерью, без ведома ее мужа, встать на путь беженства - также как и других армян - не представляя, что их ожидает в будущем.

К счастью, по дороге она встретила турчанку, которая, зная моего прадеда, посоветовала ей использовать авторитет мужа, чтобы избежать принудительной депортации. Следуя совету этой доброй женщины, моя прабабушка рассказала турецким солдатам о том, кто ее муж, и попросила их помочь найти его. Турецкие солдаты, зная моего прадедушку и испытывая большое уважение к нему, помогли прабабушке избежать насильственной депортации и найти мужа. Так, с помощью турецких солдат, семье моего прадеда удалось бежать и найти убежище в Грузии, в Имеретии - в селе Орджоникидзе.

Прожив в Грузии несколько лет, семья переехала в Восточную Армению и обосновалась в Ленинакане. Здесь мой прадед продолжал заниматься своим делом. У них родились еще двое детей. ■

Саргис Суварян

«Группу молодых армян, приговоренных к смертной казни, забрал к себе турок - чтобы они работали на него»

Рассказывает Саргис Суварян

Мой отец, Суварян Аветис, родился в 1901 году в городе Арабкир. Когда началась резня, его отца - моего деда - как и многих других, завербовали в качестве солдат и увезли. Так моего деда и убили. Мой отец остался один со своим младшим братом, которого позже отдали в американский приют. Отец рассказывал, как турки собирали людей на берегу Евфрата, связывали им ноги и руки, сажали в лодки, отплывали к центру реки и топили эти лодки вместе с людьми. Мой папа был в одной из тех групп, которые «ждали своей смерти». В этот момент к группе, собравшейся у берега, подошел зажиточный турок и изъявил желание забрать некоторых молодых людей, чтобы те работали на него и занимались скотоводством. Мой отец оказался среди отобранных юношей. Тогда ему было 14-15 лет. Так, этот турок взял к себе 4-5 парней, которые в течение нескольких

Аветис Суварян – слева

недель работали на него, а потом решили сбежать.

Отец вспоминал, что по ночам они шли на юг, а днем прятались на кладбищах. Иногда их замечали турецкие дети - их ровесники; случалось, завязывался спор с ними. Так, преодолевая различные трудности и испытания, они дошли до Сирии, до города Алеппо, где ситуация была относительно спокойной. Из Сирии отец переправился в Ливан. Начал работать в Бейруте, а позже нашел своего брата, который также оказался в Бейруте вместе с воспитанниками американского детского дома. Отец забрал брата из детдома и заботился о нем.

Моя мать тоже была сиротой из приюта, тоже из Арабкира, той же судьбой оказавшаяся в Бейруте. У маминой семьи в Арабкире был большой завод по переработке кожи. Отец мамы, Карапет, был богатым и влиятельным человеком. Чтобы найти его, турки мучали и пытали его братьев, заставляя показать местонахождение деда. Так были убиты мой дедушка и его братья. Мама осталась дома одна - со своим 3-4-летним братом и сестрой, которой было всего сорок дней от роду. Мать детей, моя бабушка, заболела и умерла, потому что не было

Союз Арабкир

врачей.

Некоторые из родственников даже хотели захоронить новорожденного ребенка с матерью, но сестра моей бабушки не позволила сделать этого. Моя мама рассказывала, что несколько дней подряд они голодали, хотя через некоторое время от оставшихся в живых родственников они узнали, что на первом этаже дома внутри стен хранилось золото, но они ничего не знали об этом. Пытаясь как-то выжить, малыши приготовили кашу из нута и, не понимая всей опасности, накормили этой похлебкой и двухмесячную сестру. К сожалению, малышка захлебнулась...

Я родился 6 февраля 1937 года в Бейруте. В 1946 году мы приехали в Армению - шестым караваном. Нас разместили в Кировакане. Затем мы с большим трудом переехали в Ереван, где жил сын дяди моего отца. Мы поселились в его доме. Прожив там год, мы получили участок земли и начали строить дом. Он был еще недостроен, когда мы переехали туда. Отец мой был строителем, очень талантливым, и со временем ему удалось построить свой дом и воспитать трех своих детей. ■

«Моя мать говорила: благодаря турку, у меня были мать и отец»

Рассказывает Элизабет Катрджян

Наша семья и пострадала от рук турок, и была спасена турками.

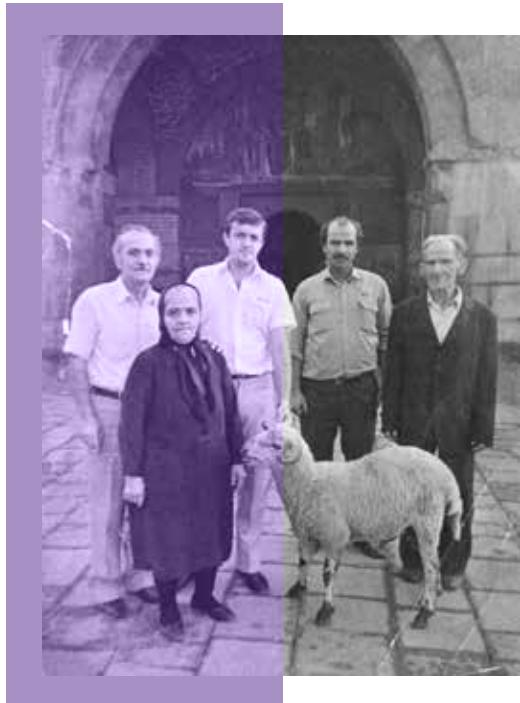
Мой отец Хачик Катрджян был из села Черах. Он был сиротой, его родителей убили во время Геноцида, а его сестру Элизабет, в чью честь меня и назвали, похитили. Заботу об отце взял на себя дядя, брат мамы. А его вторую сестру опекал другой дядя, брат отца.

Детство оставило тяжелый отпечаток в памяти моего отца. Всю свою жизнь он ничего не хотел иметь - ну вообще ничего.

Когда мы уже были постарше, он говорил (на западно-армянском): «Доченька, нам ничего не нужно. Пусть будет один плед из овчины, на нем и будем спать, потому что придут турки... придется снова бежать».

Потом выяснилось, что его семья была довольно богатой. Когда дома нужно было что-то приготовить, он говорил: «Доченька, в нашем доме все это делали слуги». Рассказывал, что у них был большой, красивый дом на родине... А мы удивлялись.

Во время домашних бесед папа всегда говорил «эти турки...», а мать отвечала:

Хачик Катрджян с сестрой и ее сыном

«Благодаря турку, у меня были мать и отец».

Семья моей матери была из Хазкала. Их называли хазкалцами. Мои дедушка и бабушка, Арутюн и Сатеник, были Додозяны. Додозян - не фамилия, так называлось место их проживания - Додозлар. В то время их регистрировали именно так, и они стали Додозянями.

Моя мама - Айкануш - родилась в 1914 году. Во время резни 1915 года их все время высыпали - из деревни в деревню.

В дни изгнания, в очередной деревне, ножом зарезали 16-летнего сына турецкого ходжи и обвинили в этом моего деда - якобы, он это сделал. Когда турки с огнем и мечом пришли убивать нашу семью, наш сосед, один из богатых в деревне турок, встал и сказал: «Нет, Арутюн в это время был здесь!». Так мамина семья спаслась.

На тяжелом пути депортации они оказались в Салониках. Дед рассказывал,

1915

что дорога изгнания была настолько тяжелой, что они даже подумывали оставить ребенка - мою мать - под деревом и уйти, но потом решили взять ее дальше с собой. Так, в 1915-1916 годы, они бежали в Грецию. В Салониках моя мама училась в школе, основанной Гюльбенкяном, а в 1932 году семья переехала в Армению.

Мама всегда помнила о том, что, благодаря тому турку, она выросла вместе с родителями.

Мой отец также эмигрировал в Грецию, в Афины. Они переехали в Армению позже. Родители познакомились уже здесь, в Армении. ■

Манук Аветикян и Армануш Мелконян

«Мой отец 13 лет жил в доме турка, который спас его»

Рассказывает Ованнес Кулак Аветикян

«Моего отца зовут Манук. Манук Григорьевич Аветикян - он был одним из уважаемых людей Кесарии, ныне - провинции Йозгат. В деревне Хюрнедж, ныне Конуклар²⁶ провинции Йозгат была армянская школа, были также церковь и колледж.

Предки моего отца были родом из Ани. Но когда в 1021 году король Сеннеке-рим переехал в Себастию, мои предки вместе со всеми эмигрировали.

Название деревни моего отца - Хюрнедж - означает «гость спустился в лес». Открывалась взору поляна, и на этой поляне была построена деревня. Там до сих пор есть лес. Рядом - гора Акта. После 1915 года там воевали армянские

²⁶ Конуклар - гостеприимные люди, перевод с турецкого

Манук Аветикян и Армануш Мелконян

фидай. Среди них были родственники и со стороны моего отца, и со стороны матери.

Род моего отца - Аветикяны. Моего прадеда звали Аветик. Аветик был «бесшабашным» героем, как Сасунские Храбрецы²⁷. Однажды сборщик налогов пришел к прадеду за десятиной. Он заплатил, но после, когда вновь пришли за тем же налогом, прадед отказался от платы, сказав, что уже выплатил налог. Однако сборщик налогов заявил, что тот должен заплатить снова. Прадед пришел в ярость и избил сборщика. Но инцидент был исчерпан - у прадеда был знакомый чиновник. Спустя некоторое время тот же сборщик налогов вновь пришел к прадеду - уже под покровительством паши. Аветик снова отказался платить. Прадед избил сборщика налогов, и его наказали, отрезав ему ухо, поскольку он отказывался подчиниться. С тех пор наш род стали называть Кулаксизян - «без уха».

В 1915 году моему отцу было всего 12 лет, когда на его глазах убили моего деда, прабабушку, сестру отца и его старшего брата.

²⁷ Сасунские Храбрецы - герои армянского эпоса

... Мой отец каждую ночь видел кошмары - со сценами убийства своей семьи.

Один турок по имени Шеркет, желая спасти детей, забрал к себе моего отца Манука и его младшую сестру Далиту. Этот человек однако сказал, что дети могут остаться у него, если только станут турками - примут ислам. Манук должен был сменить свое имя и стать Шеркетом. Турок некоторое время держал моего отца и его сестру у себя дома. Некоторое время спустя отец отдал Далиту в детский дом. Но сам туда не пошел. Он думал, что земли, которые оставил его отец, теперь принадлежат ему, и он хотел вновь стать их владельцем.

Его сестра вместе с другими детьми из детского дома переехала в Бейрут. Там она подросла и вышла замуж за русского солдата.

Мой отец, Манук, 13 лет прожил у турка, который спас и приютил его. Летом жил в поле, зимой - в конюшне. Он рассказывал, что у турка была дочь его возраста, они росли вместе. Турок посоветовал ему позаботиться о землях отца.

Однажды Манук пошел к своему родному дому. Там, в поле, он встретил незнакомца, который утверждал, что он - владелец этой земли. Турок, у которого жил Манук, поговорил с этим незнакомцем и сказал, что вся семья ребенка была убита, и неужели невозможно оставить ему хотя бы землю? Они пришли к соглашению, и Манук пошел получать свидетельство владельца этого участка. Там ему сказали, что поскольку отец его когда-то не подчинился властям, эти земли больше ему не принадлежат, а являются собственностью государства. Мой отец скажет все эти бумаги собственными руками, сказав, что у него забрали все, пусть и это останется им...

Другая сестра Манука по имени Циацан²⁸ была замужем за турецким духовным лицом, но она часто встречалась с моим отцом. Турок - муж моей тети - однажды рассказал моему отцу об одной армянке, которая сменила веру, и предложил ему жениться на ней. Этой девушкой была моя мама, Армануш, которая была «сумасбродной» Мелконян. Отец матери принимал участие в битве при Чанаккале в рядах турецкой армии, поэтому его депортировали позже. Моя мать, Армануш, спасли черкесы, они говорили на иронском наречье. Я знаю, что иронны - часть черкесов, но они были отуречены. Когда мой дед вернулся из войны, его деревня была пуста. Мою мать, Армануш, переименовали в Айше, а бабушку Рипсиме - в Гюльсиму. К ним присоединился и отец - под именем Якуб.

---

²⁸ Циацан - по-армянски «радуга»

Затем родились две их младшие дочери. После смерти мужа Рипсиме вернулась со своими дочерьми в деревню Хюрнедж. Здесь мой отец Манук Аветикян-Шеркет - женился на Айше-Армануш.

Отец говорил мне, чтобы я никогда не ездил в Хюрнедж, потому что там он стал очевидцем многих ужасных и жестоких событий.

Затем мой отец вместе с семьей переехал в Кесарию. Спустя годы они мигрировали в США, там я и родился. Название нашей деревни Хюрнедж сегодня звучит как Конуклар. Теперь это село входит в провинцию Йозгат».

От авторов: После этого рассказа О. Аветикян попытался найти свое село на карте в Интернете. Во время поисков они с сыном случайно наткнулись на видео, рассказывающее о деревне Хюрнедж. Отец и сын переволновались, увидев свой родной дом и поляну, о которой они много раз слышали, но никогда там не бывали. О. Аветикян запел трогательную песню, плавно переходя с армянского на турецкий. Оба языка – родные, оба языка – его собственные... ■

Сирануш Акопян с мужем

«История моей матери, спасшейся во время Геноцида, напоминает чудо»

Рассказывает Донара Тарджуманян

История моей мамы, спасшейся от Геноцида, напоминает чудо, настоящую сказку...

Действительно, это было чудо: спастись в те годы, выжить практически в небесных условиях, избежать ятагана²⁹, а потом создать семью и прожить счастливую жизнь...

Даже не знаю, можно ли назвать жизнь моей матери счастливой. Ужас, который она пережила в детстве, жестокость, которую она видела, - это всегда было в ее глазах... Моя мать была одной из тех, кто пережил Геноцид...

---

²⁹ Ятаган - меч, используемый в мусульманских странах

Сирануш Акопян - моя мама - родилась в 1912 году в Карсе. Она не помнила свой день рождения, рассказывала лишь, что в этот день был праздник Вардавар³⁰, это был июль. Она была ребенком, когда в Западной Армении начался Геноцид армян. Турецкие погромы и резня достигли Карса немного позже. Известно, что до 1918 года Карс находился в подчинении русских, а в 1918 году этот самый укрепленный город-крепость был сдан туркам... Город сдали, и начался кошмар, который до самой смерти продолжал жить в глазах моей матери.

Значительная часть армян Карса была истреблена во время резни, другую часть постигла участь изгнания. Моя мать с двумя братьями - Мнацаканом и Амбарцумом - оказалась среди многих армянских беженцев. Она рассказывала, что их всех отвели в какую-то конюшню. Мама была ребенком, но запомнила каждую мелочь. Она рассказывала, что в конюшне было ужасно тесно, воздуха не хватало... В памяти матери запечателось, что каждый день приходили солдаты, называли имена нескольких людей и уводили их... Все знали, что их забирают, чтобы убить. Однажды они пришли и спросили - кто такие Сирануш, Мнацакан и Амбарцум?.. «Мы посмотрели друг на друга и поняли, что настал наш черед», - рассказывала мама.

Их троих забрали, но куда - они не знали. Дети - сироты позже догадались, что их спасли. Когда их отвели в большой дворец, они увидели там дочь дяди - Агавни.

История Агавни тоже интересна. В годы резни турецкий паша увидел ее и влюбился. Агавни вышла замуж за турка и переехала в его замок. Но девочка всегда была грустной... Паша захотел что-нибудь сделать для нее, чтобы увидеть в ее глазах радость. И Агавни попросила его спасти детей дяди - брата отца - от кровавой расправы. Вот так турецкий паша исполнил просьбу жены и спас армянских сирот.

Мою маму и ее братьев хорошо приняли в доме турка, дали им новую одежду, накормили... Моя мама не помнила точно, но она говорила, что они жили там довольно долго, примерно год, пока турки не узнали о проступке паши и начали преследовать его. Паша забрал жену - Агавни - и уехал, вновь оставив сирот одних.

Я не помню, куда потом пошли моя мать со своими братьями, но в результате они нашли мать Агавни - жену дяди. С ее помощью они переехали в Гюмри.

³⁰ Вардавар - армянский праздник в честь Преображения Господня, отмечается через 14 недель после Пасхи. Известен своим обычаем взаимного обливания водой

Моя мама рассказывала, что, после того, как они прожили некоторое время в Гюмри, до них дошли слухи, что турки сдали Карс, и что все беженцы могут вернуться туда (вероятно, это было в 1919 году, когда армянская армия на короткое время освободила Карс).

Услышав новость об освобождении Карса, большое число беженцев из Карса, в том числе моя мама и ее братья, решили вернуться в родной город. На этот раз они остались в Карсе на очень короткое время. Вскоре после того, как по русско-турецкому соглашению город окончательно был передан Турции, они вновь встали на путь беженства, переехав в Армению. На этот раз сироты остались совершенно одни. Жена дяди скончалась по дороге. По дороге моя мама потеряла и младшего брата, который заболел и умер от неизвестной болезни.

Мою маму и старшего брата отвезли в Ереван. Сирот в Ереване сдали в детский дом. В то время приют находился в непосредственной близости от современного театра им. Сундукиана. Там для них началась новая жизнь... ■

Алик Саргсян

«У дедушки было два часа, чтобы покинуть Ван»

Рассказывает Алик Саргсян

Я слышал эту историю от моей матери, но только недавно узнал подробности жизни семьи ее дедушки в Ване, и то, как они чудом пережили резню. Мои предки эмигрировали из Вана во время Геноцида. Некоторые из них поселились в Восточной Армении.

Эта история - о дедушке моей мамы, который родился и жил в Ване до кровавых погромов 1915 года.

Никогос Григорьевич Чархчян родился в 1884 году. Окончил школу, после чего стал цирюльником. У него была дочь. Хотя он любил свою профессию, но был и очень деятельным, деловым человеком. Благодаря упорному труду и сильной воле, он стал владельцем больших отелей, парикмахерских и «чайхан» - чайных. Исходя из характера своего дела, он много общался с турками, и у него были довольно хорошие отношения со многими из них. Его соседи - турки были неразлучными спутниками Никогоса и членов его семьи. Но их отношения тоже

изменились, как только начались массовые убийства армян со стороны турок.

В апреле 1915 года, когда Никогос находился в одной из своих гостиниц, к нему подошел турецкий офицер в военной форме и предупредил, что у Никогоса есть только 20 минут, чтобы покинуть свой дом, и всего 2 часа, чтобы покинуть город Ван. Моя мама рассказывала, что было очень странно, что об этом ему сообщил незнакомый офицер, которого Никогос вообще не знал. В любом случае, эта новость переполошила моего прадеда, и он поспешил как можно скорее покинуть Ван вместе со своей семьей. Никогос забрал с собой только то, что возможно было забрать в течение 20 минут: предметы первой необходимости, определенную сумму - золотыми. С женой, двухлетним ребенком и родителями ступил он на путь изгнания, оставив все своё имущество туркам. Но их побег не обошелся без потерь. Семью Чархчян не только ограбили по дороге, но и подвергли жестоким преследованиям. Родители Никогоса скончались от холеры. Никогосу удалось вместе с семьей доехать до Восточной Армении, обосноваться и продолжить свою жизнь здесь. Позднее выяснилось, что те соседи-турки, которые постоянно гостили в доме Никогоса, давно знали о планах турок, но держали это в секрете. Несмотря на многие трудности и страдания, выпавшие на его долю, Никогос прожил довольно долго - 96 лет, и скончался в 1980 году. ■

Геворг Кендукиян

«Семью моей тёти друзья-турки сопровождали до границы Армении...»

Рассказывает Аместуи Кендикян

Мои родители жили в городе Арабкир в Западной Армении. В 1896 году, во время первой волны кровавых расправ, брата моего отца Геворга убили на гла-зах бабушки и повесили на дереве. У моей бабушки началось серьезное психи-ческое расстройство, и ее потом долго лечили. Однако до конца жизни у неё все равно были некоторые психические проблемы. Затем они забрали моего дедушку, двух его братьев, всех родственников моего дяди; остался только мой отец, он был младше. Он родился в 1904 году, в честь покойного брата его на-звали Геворг.

Бабушка рассказывала, что после окончания войны все арабкирцы отправились в Алеппо, откуда затем переехали в Бейрут.

Мой отец рассказывал о своих друзьях. Он говорил, что у него было много

Семья Кендикиян

друзей-турок, которые всегда помогали в трудные времена, и, по его словам, «не позволяли, чтобы кто-то навредил им». Я хорошо помню имя одного из них - Мстатевик. Я спрашивала «Что это за имя?», он отвечал: «Это - имя турка».

А муж моей тёти (сестры отца) Тигрануи - Саргис Сурьян - рассказывал, что во время резни они работали кузнецами: в горах ковали подковы. Во всей этой суматохе о них забыли, никуда их не депортировали. Когда в 1924 году ситуация устаканилась, они вернулись в Арабкир, а затем мигрировали в Армению.

Сбежать им помогли турки. Муж моей тети вспоминал, как их турецкие друзья забрали все драгоценности, которые у них были, разложили по своим карманам. Ковры, всё их имущество нагрузили на свои мулы и сопровождали их до границ Восточной Армении. Держали все золото и драгоценности у себя, объясняя: «Если на нас нападут, они у вас всё отберут, а нас будет безопаснее». Так эти турки довезли их до границы, вернули все их драгоценности и вещи и проводили в Армению.

В Ереване они купили большой дом возле Дома кино, жили большой семьёй, когда разом за стол садились 14 человек...

Муж моей тёти всегда с благодарностью вспоминал этих турок. Он говорил, что их соседи-турки были хорошими людьми, которые «заботились о них и не допускали грабежа и мародерства». Но были и жестокие люди, которые, воспользовавшись моментом, грабили и убивали.

Во всяком случае, я слышала много раз, что среди турок было много и тех, кто помогал армянам. ■

«Когда начался Геноцид, сосед-турок укрыл семью моей бабушки у себя дома»

Рассказывает Сурен Аветисян

Моя бабушка, Сирануш Амбарцумян, родилась в 1905 году. Она была родом из ванского села Артамет. Когда началась большая резня армян, сосед-турок на некоторое время укрыл семью моей бабушки в своём доме.

Моя бабушка говорила: «Правда, они были турки, но они были очень хорошиими. Наши семьи были очень близки. Они были хлебосольными людьми».

Но соседи-турки не могли слишком долго прятать семью моей бабушки. И тогда, как и тысячи других армян, они были вынуждены покинуть Артамет.

На пути изгнания двое солдат подошли к младшей сестре бабушки и попытались снять с ее пальца серебряное кольцо. Кольцо не снималось, и один из солдат поднял кинжал, чтобы отрезать девушке палец. В этот момент к ним подошел другой турецкий солдат и не позволил сделать этого. В конце концов, они окунули палец бабушкиной сестры в воду, и кольцо удалось снять.

Но позже, истощенные от голода и усталости, сестра моей бабушки и ее мать скончались на пути депортации. Бабушка рассказывала, что люди, идущие по дороге, падали в изнеможении, и все знали, что тот, кто упал, больше никогда не встанет.

Группе армян-беженцев, в их числе и моей бабушке, удалось пересечь реку Аракс и добраться до сегодняшней деревни Шайрап в Армавире. Пробыв там некоторое время, бабушка переехала в Эчмиадзин, в американский детский дом.

Спустя годы бабушка встретила моего деда, который был родом из Муша. Они давно переехали в село Кучак в Апаране. В 1929 году они вместе переехали в Ереван.

Помню, когда мы собирались всей семьей, бабушка начинала говорить о своем детстве. Она всегда с тоской рассказывала о потерянном доме, о своей

1915

Сирануш Амбарцумян

Сирануш со своей невесткой
и внуками

деревне. С особым восхищением говорила о яблоках своего родного Артамета. Рассказывала, что в сундуках артаметских хозяек всегда хранились яблоки. И, когда сундук открывался, по всей комнате распространялся яблоневый аромат...

Бабушка очень хотела хотя бы раз побывать в своем родном Артамете. Она оставила своё село, когда ей было всего девять лет, но с уверенностью говорила: «Если моя нога вновь ступит на нашу землю, в нашу деревню, я сразу же найду наш дом». К сожалению, это большое желание моей бабушки так и не сбылось.

Жителей Вана принято считать скучими, но моя бабушка на самом деле была очень щедрой женщиной. Наши знакомые всегда спрашивали её: «Ты же родом из Вана, как ты можешь быть такой щедрой?» В ответ она говорила: «Ванские - не жадные, просто они всегда держат свой запас на завтра»... ■

«Отца моей бабушки от смерти спас его командир-турок»

Рассказывает Григор Аветисян

В числе армян, чудом спасшихся от Геноцида, была моя бабушка, Мартиросян Агавни, 1907 года рождения. Моя бабушка жила со своей семьей в деревне Чарах в провинции Бурса. Село находилось примерно в 100 километрах от города Бурса и было известно своими целебными водами - горячими и холодными бассейнами. В деревне в основном занимались производством шелка. В 1915 году моего прадеда - отца бабушки - призвали в армию, и в семье остались только женщины. Бабушка рассказывала, что во время депортации им - как солдатский семье - турецкое правительство предоставило телегу для перевозки вещей, в то время как другие семьи не имели такого «преимущества». Во время этой депортации они вместе с другими дошли до железной дороги, ведущей в Тер-Зор, разбили палатки и ждали своей очереди. Бабушка говорила, что им это казалось спасением: никто не знал, что на этих поездах их везут на смерть.

Вскоре дошёл и их черед. Четыре женщины - моя бабушка, ее мать, мамина сестра и бабушка моей бабушки - заняли места в поезде. Бабушка рассказывала, что их лица измазали золой, чтобы они выглядели некрасивыми, поскольку турки увозили красивых девушек. Когда бабушка с семьёй уже разместились в поезде, в вагон зашёл какой-то юноша и стал спрашивать, есть ли там люди из Бурсы. Бабушка моей бабушки откликнулась, сказав, что они из Чараха. После этого юноша посоветовал им немедленно сойти с поезда. Сначала пожилая женщина не поняла, почему они должны сойти - ведь наконец подошла их очередь. Однако, к счастью, этому парню удалось уговорить их покинуть вагон, и, скорее всего, только им и удалось выжить из всех находящихся в поезде...

1915

Документ Агавни Мартиросян, выданный в Болгарии

После спасения они начали работать на рынке: чтобы хоть как-то заработать на жизнь, стали помогать местным торговцам, выполнять разные маленькие поручения. Именно там, на рынке, они случайно встретили призванного в армию отца бабушки - Григора. Встреча стала сюрпризом, поскольку всем было известно - турки убивали призванных в армию армян. Оказалось, отца моей бабушки спас его командир-турок. Последний, зная, что Григор - талантливый землемеделец, забрал его на свою усадьбу, чтобы тот работал садоводом. Фактически, отец бабушки спасся, благодаря турку. После встречи с семьёй они вместе вернулись в родной Чарах, где прожили около двух лет, и уже в 1922 году, во время отступления греческой армии, они переехали в Бурсу. Оттуда на корабле поплыли в Болгарию и спаслись от второй волны Геноцида. Моя бабушка в Болгарии познакомилась с дедом, вышла замуж, и в 1933 году они с двумя сыновьями переехали в Армению. ■

Анаит Казарян

«Беги, уходи, пусть мой очаг не погаснет!»

Рассказывает Анаит Казарян

Когда я узнала о проекте «100 лет... Реальные истории», меня навестила тогда одна из моих бывших учениц, Сусанна Степанян. Во время беседы я рассказала о проекте, и выяснилось, что ее дедушку во время Геноцида армян спасли турки. И она рассказала мне историю своего деда со стороны отца.

Они были родом из Шатаха. В годы Геноцида деду Сусанны было около 13-14 лет. Турки собрали всех жителей Шатаха и заперли их в церкви, намереваясь поджечь их. По словам Сусанны, у ее деда была большая семья. Ее прадед, Степан, осознав, какая судьба ждет его семью, в том числе сына Акопа, попытался найти выход. Но какой выход можно найти, когда у всех руки связаны, и то за спиной? Вдруг он заметил трещину на церковной стене, там камень можно было сдвинуть. Отец Акопа стал бить по этой стене руками и спиной. Даже в эту трудную минуту он не забывал о своей вере и не посмел ударить в стену ногой, ведь это грех - бить ногой по церковной стене. Жена беспрерывно плакала, умоляя

мужа, чтобы тот что-нибудь сделал, что-нибудь придумал, чтобы спасти сына - её Акопа.

В конце концов, каким-то чудом ему удалось сдвинуть камень на стене этой многовековой церкви. Он сказал сыну: «Беги, уходи, не дай очагу моему погаснуть!» Акоп был мальчиком худеньким. Он как-то протиснулся сквозь эту щель в церковной стене и стал бежать. И вдруг услышал крик турка: «Сын гяура сбежал!» Затем последовал выстрел... Акоп почувствовал, что его руки, связанные за спиной, стали теплее, но продолжал отчаянно бежать. Бежал, куда глаза глядят. Вдруг потерял сознание и упал.

Придя в себя, увидел, что он находится в доме какого-то турка. Рядом с ним стоит беременная турчанка, а его руки обмотаны разными лоскутами. В тот момент он понял, что ранен, но его первой мыслью было то, что он свободен и спасен. Турчанка покормила его и заставила спрятаться - мальчика искали. В доме турка, у стены, стопкой лежали одеяла и матрасы. Женщина предложила мальчику спрятаться под ними. Вскоре после этого он услышал крики турок и заверения турчанки о том, что мальчика нет в её доме. В конце концов, солдаты ушли.

После этого турчанка дала мальчику связку с едой, показала безопасную дорогу, по которой можно было бежать. Вот так и спасся Акоп из Шатаха, сын Степана, который много лет спустя рассказал своим внукам: «Когда я уходил, я почувствовал запах дыма. Оглянулся назад... Церковь горела...»

Он бежал и добрался до деревни Авшар Арагатской области. Там он женился, у него родились дети. По словам внучки, он всегда хотел перейти через Араз и хотя бы ещё раз увидеть свой родной дом... ■

Город Тиврик в Себастии

«Две спасённых ветви истребленных династий дали клятву - сплестились друг с другом и стать вековыем дубом...»

Рассказывает Элизабет Балтаян

Моя мама, Азнив Балтаян, была из города Тиврик (Себастия). Она была единственной выжившей из всего их рода, истребленного во время Геноцида.

Мама рассказывала, что у них был сосед-турок, который был очень близок с ними - как родной. Однажды вечером, когда мужчины уехали на заработки, этот турецкий паша навестил их. Мама говорила, что он был как член их семьи. Мать папы скончалась во время родов, и бабушка моей матери - её звали Назик - воспитала его как своего собственного сына. Турок называл Назик «меч мам», «бабушкой».

Моей маме Азнив было тогда шесть лет. Она и две ее сестры вышли навстречу гостю и стали свидетельницами разговора. Расположившись у стола, турок рассказал «меч мам» Назик о решении турецкого правительства «депортиро-

вать армянское население, устроить резню и истребить весь армянский народ». Он предложил Назик убежище в своем доме и даже обещал выделить отдельный уголок для икон, где бабушка Назик могла бы молиться. Он сказал, что, поскольку у него большие возможности, он сможет защитить всю их семью. В этот момент все с тревогой смотрели на Назик, ожидая ее реакции. А она отказалась, сказав, что ее семья и ее род будут там же, где и весь армянский народ, и, если они собираются истребить всех армян, пусть ее семья тоже погибнет. Услышав это, турецкий паша ушел и больше не вернулся, а несколько дней спустя случилось то, о чем он говорил.

С наступлением апреля весь большой род Балтаянов - вместе с другими армянскими семьями - ступил на тропу изгнания. Поскольку моя мама была самой младшей, ее передавали из рук в руки. Она быстро уставала, и бабушка просила остановиться - чтобы покормить ее или напоить водой. Во время одного из инцидентов на дороге прямо на ее глазах убили одну из сестер: ее обезглавили и бросили в воду. Моя мама очень тяжело перенесла это.

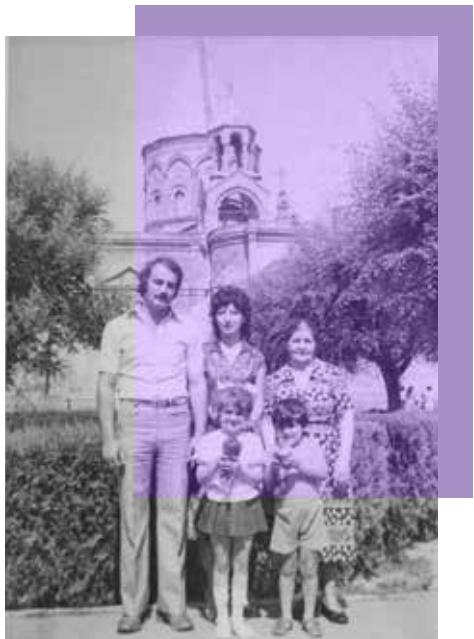
На каком-то отрезке пути караван беженцев остановился. Они заметили, что отношение турецких военных к ним изменилось. Они не предпринимали никаких шагов насилия; напротив, турки призывали идти спокойно и медленно, поскольку им еще предстоял долгий путь. Увидев вдали сотрудников американского детского приюта, все поняли причину хитрости турок.

Американцы забирали несовершеннолетних, в их числе была и моя мама Азнив. Мама моя, которая своими глазами увидела смерть сестры, никак не могла расстаться с бабушкой и с другой сестрой. «Создай свою семью и построй свой дом! И не забудь свою семью, свой род! - сказала бабушка Назик, крепко прижимая Азнив к своей груди. - Храни в памяти дорогу своих мучений!»

Сидя в отъезжающем грузовике, моя мама не сводила взгляд от длиннущего каравана, пытаясь глазами разыскать свою сестру и бабушку.

Моя мама вышла замуж за Азария Патракчяна, который тоже был родом из Себастии, из села Патрин. Они познакомились в детском приюте. Прожив двадцать лет в Греции, в Салониках, они переехали в Армению в 1946 году. Род каждого из них пережил большую трагедию, и они сами говорили о себе: «Мы оба - оставшиеся в живых ростки истребленных династий - дали клятву сплестись друг с другом и стать вековым дубом...»

П.С. Эта история была опубликована в 2005 году в журнале «Харисх» (выпуск март/апрель 2005 года) под названием «Молодой росток дуба». ■

*Семья Елизаветты
Галукян*

«После того, как Ленин передал Карс Турции, расправы в отношении армян ужесточились...»

Рассказывает Джульетта Абаджян

Семья моей матери была из Карса. Моя мама, Елизавета Галукян, родилась в 1914 году. У них была очень богатая семья: бесчисленное количество золота, ковров... У моего деда был магазин в Карсе, и он мог обеспечивать благосостояние своей семьи. Мама рассказывает, что до Геноцида их дом стоял рядом с домом турецкого эфенди, который был уважаемым человеком. Дед мой ежедневно поставлял ему мясо. Этот турок часто просил мою бабушку приготовить ему ужин. Бабушка, уважая его, выполняла его просьбу. Поскольку мяса обычно было много, турецкий эфенди просил мою бабушку раздавать ужин нуждающимся беднякам-армянам.

Но однажды ночью на Карс напали. Всю семью моей мамы пленили и увезли убивать. Через некоторое время совершеннолетние члены семьи вернулись. По словам мамы, бабушка рассказала ей, что в тот момент пришли двое соседей и

Елизаветта Галукян –
в центре

разогнали погромщиков. Турки сказали, что семье моей матери нужно бежать, и тогда им ничто не будет угрожать. Убегая ночью, они как-то умудрились попасть в вагоны поезда, направлявшегося в Тифлис. Думали, что обоснуются там. Но на подходе к Кировакану поезд остановился. Объявили, что Карс заняли русские. Семья моей матери вернулась обратно. После этого они еще несколько лет смогли прожить в Карсе. Свое имущество они хранили в банках и в кувшинах.

Однако после того, как Ленин передал Карс Турции, в отношении армян начались более жестокие расправы. На этот раз семья моей матери сбежала и поселилась в Гюмри. Мама рассказывала, что во время резни перед её глазами вспороли живот беременной женщины, ребенок выпал... Вообще, отношение к армянам было жестокое, и оно поразило мою маму, которая тогда была еще ребёнком. Во время побега моей бабушке удалось надеть на детей лишь несколько золотых украшений. Им удалось вывезти их в Армению, что в будущем им достаточно помогло. Здесь они обосновались в Гюмри. Продавая золотые украшения, они сумели просуществовать до того, как моя мама вышла замуж, и уже отец стал заботиться о семье.

Мой пapa был из Алашкерта, из Муша, и был на 14 лет старше моей матери. Отец служил в отряде Андраника. Его брат служил в турецкой армии и был уважаемым человеком. Мой отец, получивший работу в международном гуманистичном фонде, поселился в Октемберяне и забрал туда с собой всю семью. Там я и родилась. У моих родителей было 5 сыновей и одна дочь, но трое мальчиков скончались.

Моя мама говорила, что, если бы у нее была возможность вернуться, она нашла бы там закопанный в земле кувшин с золотом, поскольку прекрасно помнила то место... ■

Рубен Саргсян

«Я мечтаю хотя бы раз побывать в Карсе, увидеть свой дом и только потом умереть...»

Рассказывает Рубен Саргсян

Мой дед, Саргсян Мелик, был из Карса. Родился в 1895 году, по крайней мере так было написано в документах, хотя он утверждал, что родился в 1888 году. Мне было 13 лет, когда я услышал от деда его историю. Мое любопытство было настолько велико, что я даже записал историю моей бабушки и моего дедушки на магнитофон. Они рассказывали о себе и, иногда, полные тоски, пели отрывки национальных песен на своих диалектах. К сожалению, эти записи пропали из семейного архива.

Предки моего деда были из Сасуна, затем они переселились в Муш, оттуда в Карс. Они мигрировали из Сасуна из-за конфликта с курдами. Однажды какой-то курд подошел к нашему дому в Сасуне, привязал лошадь у нас во дворе и спо-

койно наполнил свои хурджины нашим зерном, что сушилось во дворе. В ответ на возмущение хозяев он сказал, что «армяне должны работать, а курды - есть». Разозлившись хозяева ударили незваного гостя кнутом, предназначенным для волов. Он скончался. Чтобы избежать мести со стороны семьи этого курда, мои предки заплатили другим курдам, чтобы те тайно вывезли их из Сасуна. Таким образом, они мигрировали на территории, находившиеся под протекторатом России.

Мой дед рассказывал мне, что однажды, в 1921 году, он заметил, что в Карс прибывает советский поезд. Как он говорил, он узнал русский поезд по «шапкам-коммуналкам» русских солдат. Дед узнал русского коменданта поезда - как оказалось, они вместе служили в 5-ом полку большевистской армии. Мой дедушка рассказал русскому коменданту, что хочет бежать и добраться на поезде до Гюмри. Комендант пообещал тайком вывезти его. Но кто-то подслушал их разговор и рассказал турецкому паше, что Мелик планирует сбежать на российском поезде. Когда турецкие жандармы забрали моего деда к паше, дедушка не скрыл своих намерений и признался, что хочет уехать к своим спасшимся родственникам. Дед попытался спасти и одну незнакомую армянку, представив ее паше в качестве своей жены.

Удивительно, но вместо того, чтобы наказать моего деда, турецкий паша дал ему денег на дорогу и отпустил его. Так мой дед приехал на Кавказ, некоторое время прожил в Тифлисе. Затем он переехал в Гюмри, там нашел своих братьев. Потом они вместе переехали в Ереван. Здесь мой дед женился на моей бабушке Ягут, которая тоже была изгнана из Западной Армении, из Алашкера, и спаслась с большим трудом.

Бабушка рассказывала, что турецкие солдаты собрали всех жителей деревни в одном строении, если не ошибаюсь - в церкви, обложили это здание снопами сена и подожгли. Но, к счастью, там случайно проходил местный турецкий паша - он приказал солдатам выпустить людей. Вот так спаслась моя бабушка.

Дед мой был плотником, и здесь он продолжил свое дело. У отца моего деда, Хачатура, убитого во время Геноцида, была та же профессия. Он исчез зимой, его нашли в ущелье только через несколько месяцев, после оттепели. Узнали его по пальто.

Мой дед принял решение мигрировать в Восточную Армению довольно поздно. Знаю, что раньше он бывал и в России. Он принял решение эмигрировать из Карса и переехать в Советскую Армению только тогда, когда понял, что Карсу грозит падение - он будет сдан. Все его родственники, включая его мать

и двух братьев, бежали из Карса раньше - некоторые в Тифлис, некоторые в Гюмри. При этом многие из Карса бежали именно в Гюмри, надеясь, что город рядом, и, когда Карс будет освобожден, они вернутся в свои дома.

Каждый раз, вспоминая свою историю, дед говорил: «Я мечтаю хотя бы раз побывать в Карсе, увидеть мой дом и только потом умереть»... ■

Алис Манукян-Минасян с внуками

«Семье моего деда удалось избежать резни - благодаря другу - турку»

Рассказывает Алис Манукян-Минасян

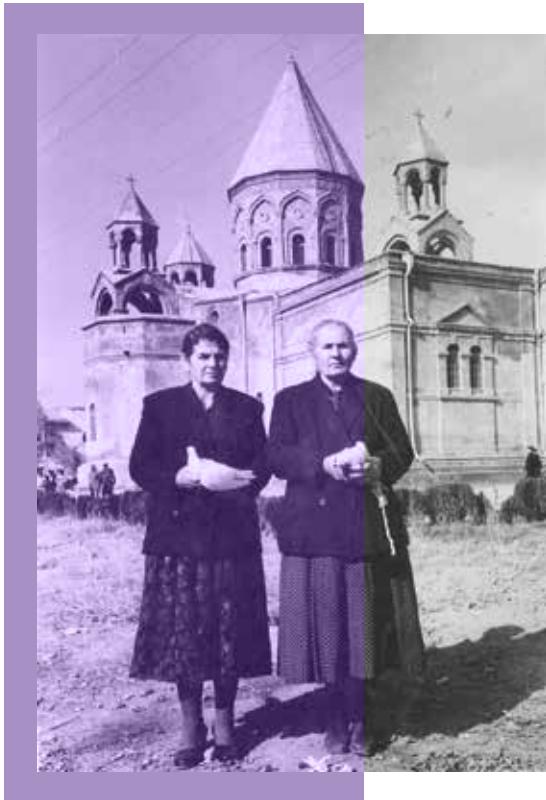
Мой дедушка, отец моей матери, которого звали Мартирос Кафтарян, был родом из города Акн. Этот город располагался в очень интересном месте. Вокруг него были горы. В Акне жило много армян. У моего деда была там обувная фабрика, где работало много турок. Помимо работников фабрики, у семьи моего деда было множество друзей-турок, многие из которых были его коллегами.

В годы Геноцида дедушка уже был женат. Уже родились и братья моей мамы. Именно из-за работы у него были очень хорошие знакомые, в том числе и в турецкой среде. Однажды один из его друзей-турок приходит и говорит:

- Мартирос! Будет лучше, если ты уедешь отсюда! Возьми свою семью и уезжай отсюда!

К счастью, мой дед прислушался к словам своего товарища-турка и вместе с семьей уехал из Акна. Они поехали в Болгарию. Некоторое время спустя, когда мой дед и его семья покинули Акн, до него дошли вести, что все армяне Акна истреблены.

Так, семье моего деда удалось избежать резни - благодаря другу-турку. Моя мама родилась уже в Болгарии, в городе Варна. ■

Нарингюль Гарагэзян со
своей сестрой

«Есть дети, которые обязаны своим спасением турецкому командиру»

Рассказывает Манвел Гумашян

Я услышал эту историю от моей бабушки Нарингюль Гарагёзян. Ее отец, Есаи Гарагёзян, жил в одной из деревень по соседству с турецким поселком Йозгат. Он был офицером турецкой армии не очень высокого чина. В дни резни его турецкий командир, который был также его односельчанином (его имя, к сожалению, я не запомнил), позвал к себе Есаи и посоветовал ему сменить веру и принять мусульманство, чтобы спасти таким образом себя самого и семью. Есаи отказался от этого предложения, но попросил командира спасти его семью. Из большого уважения к Есаи командир пообещал любой ценой спасти его детей, но ниче-

го не пообещал относительно старших, пояснив, что это выше его власти и сил.

Так моя бабушка, а также ее сестра и брат, перед массовой резней армян переехали в дом турецкого командира. К сожалению, остальным членам семьи спасти не удалось.

После нескольких месяцев ухода за детьми командир-турок перевез их в американский приют. Затем они оказались в Греции, где моя бабушка вышла замуж и попыталась начать новую жизнь.

Интересно, что лет 20 назад, когда моей бабушки уже не было в живых, на одном из мероприятий, организованных армянской общиной в Буэнос-Айресе, ко мне подошел пожилой мужчина. Мужчина знал, что я был внуком Нарингюль Гарагёзян и, подойдя ко мне, взволнованным голосом сказал, что своим спасением был обязан моей бабушке. Я, конечно, не понял о чем речь, но все стало ясно, когда он рассказал следующую историю.

Во время нападения на деревню группе детей из 4-5 человек удалось бежать и спрятаться в одной из пещер соседнего ущелья. Через некоторое время моя бабушка, Нарингюль Гарагёзян, каким-то образом узнав об этом убежище, стала по ночам приносить еду этим голодным и истощенным детям, таким образом спасая их от голодной смерти. Естественно, она не смогла бы сделать такое - без разрешения своего турецкого хозяина. ■

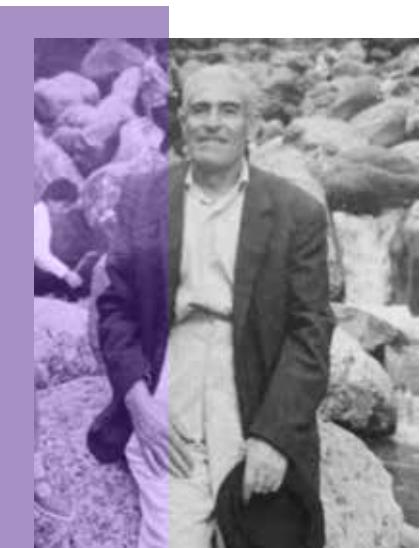

Маленькая девочка – Изабелла Чпалахян

«В доме турецкого друга было опасно долго оставаться»

Рассказывает Изабелла Чпалахян

Маленькая девочка на фотографии - это я с моими бабушкой и дедушкой. Мои воспоминания о дедушке все еще яркие. Я хорошо помню, что он никогда не любил говорить о своих юношеских годах. Воспоминания об этом периоде его жизни были для деда самыми болезненными. О том, что с ним случилось, нам рассказывала бабушка, которая тоже, к сожалению, была свидетелем Геноцида. Она, в отличие от деда, находила в себе силы говорить на эту тему.

Дедушка Изабеллы
Чплахян

Дедушка родился в 1900 году в провинции Йозгат. У него было шесть братьев и одна сестра. Во время Геноцида его братья и родители были зверски убиты. Деда спас друг его отца - турок, который некоторое время укрывал его в своем доме. Но долго оставаться там возможности не было - опасности подвергалась и эта турецкая семья. Некоторое время спустя мой дедушка бежал в Армению, в село Ерасх Арагатской области. Сестра моего деда также пережила Геноцид, но подробности ее истории мне неизвестны. Я только знаю, что ей удалось дойти до Бейрута. Мы узнали об этом много лет спустя, когда мой дедушка и его сестра были уже довольно стары. К сожалению, им так и не посчастливились встретиться.

Наша настоящая фамилия была Балджян. После изгнания у моего деда спросили его фамилию. Посмотрев на свое полуголое тело, он сказал: «Я - чплах (в переводе - голый), напишите Чплахян». Именно с этой фамилией он и приехал в Армению. ■

Егише Глеянц с сыном и внуками

«В Битлисе было убито много армян, но семье моего дедушки удалось пережить резню...»

Рассказывает Арутюн Берберян

И семья моей мамы, и семья моего отца - они все были депортированы в результате Геноцида. Я помню, как в детстве, вместе со сказками перед сном, мои бабушки и дедушки рассказывали также истории об их бегстве, о спасении, о своем про-шлом. Мы много-много раз слышали эти истории, но каждый раз они звучали по-разному, обрастаю новыми и интересными подробностями и воспоминаниями. Основной целью этого было то, чтобы не дать нам забыть эти истории, чтобы мы всегда их помнили.

Дед моего отца, Егише, бежал из Битлиса вместе со всей семьей, если не ошибаюсь, непосредственно перед погромами 1915 года. В годы жизни в Битлисе он занимался обувным делом. Первоначально фамилия нашей семьи была Егиазарян (или Тер-Егиазарян), но их называли Хлеянц. При пересечении границы, во время бегства, фамилия Хлеянц превратилась в Кбеянц - так ее произнесли русские пограничники.

История спасения моего прадеда и всей его семьи очень интересна, потому что, как мы знаем, многие армяне в Битлисе были убиты. У моего прадедушки был большой круг общения и, соответственно, у него было много друзей и коллег среди курдов и турок. Перед резней 1915 года один из знакомых турок предупредил его о том, что их ожидает, и, благодаря этому, мой прадед смог спастись и перебраться в Армению со своей семьей и сыновьями умершего брата. У прадеда было трое сыновей и пять дочерей. Мой дед, Никол, был вторым сыном в семье, а старший, Ашот, пересекая на пути депортации реку Аракс, упал с телеги и потерялся.

Поскольку моего прадеда заранее предупредили об опасности, у него было достаточно времени, чтобы собрать свое имущество и бежать. Так мой дед смог собрать и перевезти некоторые свои вещи в Армению. Прибыв в Ереван, моя отцовская семья обосновалась здесь и начала новую жизнь. ■

Армен Вардересян

«Дед моей матери любил турчанку, и, сбегая из армии, пошел к ним домой»

Рассказывает Анжела Хачатрян

Дедушка моей матери был из Эрзрума. Его имя - Камер Вардересян. После изгнания он сменил имя, и его стали называть Арменом Вардересяном.

До Геноцида он служил в турецкой армии. У них была большая семья - 31 человек. Все жили в одном и том же дворе.

Во время погромов 1914 года он в армии узнал, что все члены его семьи были зверски убиты. Мой прадед сбежал из армии - прямо в турецкой униформе.

Он был влюблён в одну турчанку и направился к ней домой. Родители девочки не отпустили его: они знали, что он армянин и его могут убить. Держали они его у себя до поздней ночи, спрятав за диваном. После наступления темноты они помогли ему добраться до границы и сбежать в Россию.

Примерно через десять лет, узнав, что некоторые его родственники бежали из Турции в Тифлис, мой прадед переехал в Грузию.

Мамина сестра рассказывает, что прадедушка очень любил турецкую музыку

и свободно говорил по-турецки. Он считал Западную Армению своей родиной и говорил: «Если граница откроется, я на коленях приползу туда, чтобы увидеть свой дом». ■

«100 лет... Реальные истории»

Редактор русской версии книги - **К. Оганян**

Переводчики - **Н. Бекарян, К. Оганян**

Корректор - **К. Оганян**

© Информационно-аналитическое агентство
«Армедиа», 2020

Руководитель проекта
К. Бекарян

Оформление и дизайн
Л. Хачатрян

Редактор книги
А. Мкртчян

Консультанты
И. Бархударян
К. Оганян
А. Катраджян
Э. Назарян

Координатор в Турции
А. Налджи

Сбор историй
А. Карапетян
А. Арутюнян
А. Овсепян
Г. Аветисян
Л. Ованнисян
Э. Мхитарян
Н. Мкртчян
Н. Минасян
К. Гаспарян

На лицевой стороне обложки представлены фотографии переживших геноцид армян, членов их семей или их потомков.

На задней стороне обложки - руины Ани, одного из наиболее значимых средневековых городов Армении (первые упоминания об Ани датируются 5 веком; в 961-1045 гг. был столицей Армении).

Автор фотографии – Лика Хачатрян.

УДК 94(479.25)
ББК 63.3(5Арм)
С 812

С 812   100 лет... Реальные истории.- Ер.: Армедиа, 2020.

УДК 94(479.25)
ББК 63.3(5Арм)

ISBN 978-9939-1-1126-1

© Информационно-аналитическое агентство «Армедиа», 2020

ISBN 978-9939-1-1126-1

A standard linear barcode representing the ISBN number 978-9939-1-1126-1.

9 789939 111261